ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 22 (2405) Среда, 17 марта 1948 г. Цена 40 коп.

Торжества в Венгрии

Вчера редакция «Литературной газеты» связалась по телефону с Будапештом и беседовала с членом советской правительственной делегации на праздновании столетия венгерской революции 1848 года Леонидом Леоновым. Он рассказал нам:

— Советская правительственная делегация, возглавляемая маршалом Советского Союза К. Е. Ворошиловым, прибыла в столицу Венгрии 13 марта. На юбилейные торжества приехали также делегации других стран, в том числе Франции, Италии, Югославии, Польши, Болгарии, Румынии, Албании и освобожденной части Греции.

Будапешт в эти дни выглядит торжественно. Стоит отличная весенняя погода. Площади и улицы нарядно украшены, на фасадах зданий — национальные флаги и красные полотнища, портреты вождей революции 1848 года — Кошута, Петефи, Танчича.

15 марта состоялось торжественное заседание парламента. Яркую речь произнес товарищ К. Е. Ворошилов, приветствовавший венгерский народ от имени Президиума Верховного Совета СССР и советского народа. Выступление главы советской делегации неоднократно прерывалось бурными аплодисментами и возгласами: «Да здравствует советско-венгерская дружба!»

Затем участники торжественного заседания вышли на площадь Кошута, где состоялся многолюдный митинг, на котором присутствовало более 200 тысяч трудящихся Будапешта и крестьян пригородных сел. Митинг прошел под лозунгом прочного союза и дружбы Венгрии и СССР. В этой дружбе венгерский народ видит залог существования свободной и независимой Венгерской республики.

Советская делегация возложила венки на памятники вождям венгерской революции 1848 года.

Содружество братских литератур

Успешно, на высоком идейно-политическом уровне прошла в Москве декада литовской литературы. Такие декады стали у нас традицией; они укрепляют творческое общение наших национальных литератур, развивающихся на общей основе принципов социалистического реализма и выполняющих единую задачу воспитания советских людей в духе коммунизма.

Тепло и сердечно были встречены все выступления литовских писателей. Горячее одобрение получили произведения А. Венцлова, В. Миколайтиса-Путинаса, Т. Тильвитиса, К. Корсакаса, Э. Межелайтиса, В. Сириоса-Гира, содержащие взволнованный отклик на актуальные проблемы современности, призыв к борьбе за победу коммунизма, за мир и демократию, против поджигателей войны.

Декада была и праздником, и отчетом литовской литературы, обсуждением ее дальнейших задач. Делясь впечатлениями о декаде, В. Миколайтис-Путинас справедливо отметил в «Литературной газете»: «Нас окружала вдохновляющая атмосфера братского внимания, которая помогла нам не только в совершенно новом свете увидеть, что мы сделали, но и то, что должна делать литовская литература для народа».

Специальное заседание правления Союза советских писателей обсудило доклад председателя ССП Литовской ССР (И. Шимкуса) и содоклад председателя Литовской комиссии ССП СССР (В. Кирпотина) о состоянии литовской литературы. Внимательная, товарищеская критика поможет литовским писателям достигнуть новых успехов в их творческой и общественно-организационной деятельности.

Итоги декады еще раз показали, как исключительно важна работа по укреплению содружества братских литератур народов Советского Союза. Лишь при постоянном творческом общении писателей наших республик возможно плодотворное развитие всей советской литературы. Это творческое общение должно осуществляться не только во время декад. Укреплять содружество братских литератур необходимо систематически, изо дня в день; надо использовать для этого все средства, привести в действие все звенья творческой взаимосвязи писателей.

Ничто так не способствует сближению советских литератур, как переводы произведений писателей народов СССР на русский язык.

Наши переводчики имеют значительные заслуги в деле популяризации братских литератур. Они воссоздали на русском языке образцы эпоса народов СССР, многие классические и современные произведения литературы союзных республик.

Однако наши издательства и секция переводчиков при Союзе советских писателей недостаточно работают над улучшением качества художественного перевода и редактуры произведений братских литератур. Еще нередки случаи недоброкачественных переводов. Например, суровой критике подверглась повесть казахского писателя С. Муканова «Балуан-Шолак», опубликованная в № 4—5 журнала «Новый мир» за 1946 год. Между тем, наибольшее число самых грубых ошибок в этом романе допущено переводчиком-консультантом А. Дроздовым.

Переводчикам у нас доверено великое дело — доносить до массового читателя выраженные в литературных произведениях думы и чаяния народов. Нетерпимо безидейное, формальное отношение к этому делу. Вдумчиво отбирать произведения для перевода, тщательно воссоздавать их на русском языке — долг переводчиков. Они обязаны глубоко изучать язык переводимого произведения, знать дух и форму этого языка, его особенности, историческое развитие. Между тем, многие переводчики у нас не изучают языков братских народов, довольствуясь подстрочниками. Пора положить этому конец.

Издательства, секция переводчиков при Союзе писателей обязаны требовать высокого идейно-политического уровня работы переводчиков. Надо усилить общественный контроль над качеством переводов, обеспечить их острую, принципиальную критику. К сожалению, не было такой критики в секции переводчиков при обсуждении переводных книг, изданных «Советским писателем» за прошлый год.

Большую роль в укреплении содружества братских литератур, в оказании им повседневной помощи призваны сыграть национальные комиссии Союза советских писателей. Но многие из них почти полностью бездействуют, в том числе украинская, белорусская, эстонская, молдавская, карело-финская, татарская комиссии. Ценнейшие материалы, характеризующие наиболее значительные успехи и серьезные недостатки в развитии братских литератур, иногда месяцами лежат без движения в Бюро национальных комиссий. Некоторые комиссии поднимают важные вопросы, связанные с жизнью и развитием братских литератур, но, как правило, не решают этих вопросов своевременно, не доводят осуществление решений до конца. Медлительность в работе комиссий часто приводит к тому, что они теряют и всякую инициативу в постановке острых идейно-художественных проблем развития братских литератур. Например, в армянской комиссии ССП СССР еще в конце 1946 года был поднят весьма серьезный вопрос о националистических ошибках в армянском литературоведении. Но его не решили до конца, и через год он оказался как бы сызнова поставленным в армянской печати.

Возможно, бездеятельность многих комиссий об'ясняется тем, что устарела эта форма связи с братскими литературами. Крайне ограничен и замкнут круг писателей, критиков, литературоведов, осуществляющих такие связи. При этом излишне преувеличивается необходимость особых «сложных и специальных знаний». В результате важнейшие комиссии и секции Союза советских писателей — комиссия по журналам и издательствам, по теории и критике литературы, почти все жанровые секции — не участвуют в работе по укреплению содружества литератур народов СССР.

Необходимо пересмотреть задачи и формы деятельности национальных комиссий. Надо привлекать в издательства и в органы Союза советских писателей больше новых писателей, критиков, литературоведов, поднимать у них интерес к изучению братских литератур, нужно пополнить, а в ряде случаев и обновить нынешний состав национальных комиссий.

Популяризация лучших произведений классической и современной литературы народов СССР — одна из важных задач наших журналов. Эту задачу специально призван выполнять альманах «Дружба народов». Но до сих пор он оказывается неспособным оперативно откликаться на явления, происходящие в национальных литературах. Существенные для этих литератур проблемы — овладение современной тематикой, развитие очерка, борьба с остатками буржуазного национализма, отбор и критическое освоение классического наследства — альманахом «Дружбы народов» еще не освещены и не поставлены. В альманахе печатались недоброкачественно отредактированные переводы, искажавшие композиционную структуру произведений, как это было с романом В. Лациса «Буря». Попрежнему нерегулярно выходят в свет очередные книги альманаха, — за прошлый год их выпущено всего две. Для того чтобы этот альманах выполнял свою важнейшую роль, необходима решительная перестройка его работы.

Декада литовской литературы снова показала, что тесная связь советских писателей всех национальностей, воодушевленных идеями борьбы за укрепление и процветание социалистической Родины, является лучшим видом творческого общения. На этой основе и следует строить работу издательств, всех органов Союза писателей — ответственную работу по укреплению содружества братских литератур, отражающего великую сталинскую дружбу народов нашей Родины.

Демократические традиции Петефи

«О, звезда 48-го года! Ты рассветная звезда народов!» — так приветствовал венгерскую революцию ее вдохновенный певец Шандор Петефи, отдавший ей и свою поэзию, и свою юную жизнь. Поэзия Петефи загорелась яркой звездой над революционными бурями 1848 года и с тех пор вот уже сто лет сверкает в мире немеркнущим светом среди других поэтических звезд первой величины.

Петефи стал у нас известен в кругах радикально-демократической интеллигенции еще в пятидесятых годах прошлого столетия — одним из первых стал переводить его стихи ближайший сотрудник некрасовского «Современника» поэт-революционер М. Михайлов. Однако широкого распространения поэзия Петефи по цензурным условиям при царизме получить не могла. Только после Октябрьской революции стали появляться у нас переводы революционных стихов поэта. Выпущенный Гослитиздатом к столетию революции 1848 года сборник избранных произведений Петефи впервые дает широким массам советских читателей цельное представление о великом венгерском поэте.

Первое стихотворение Шандора Петефи «Хортобадская шинкарка», ставшее народной песней, появилось в 1842 году, а уже летом 1849 года двадцатишестилетний поэт пал в битве за революцию. Можно только удивляться, как много замечательного создал он за такой короткий срок. Необычайно рано созрел его поэтический дар.

Как и гениальный русский поэт Лермонтов, погибший в том же возрасте, одним годом старше, чем его венгерский собрат, мятежник Петефи просил и искал не покоя, а бури.

«Не наградил меня господь такой судьбой, чтобы мог я прогуливаться в прелестных рощицах, переплетая свои песни о тихом счастье и тихих горестях с трелями соловья, шелестом ветвей и журчаньем ручья. Моя жизнь протекала на поле битвы, на поле боя, страданий и страстей».

Так писал о себе и о своей поэзии Петефи в предисловии к книге стихов, вышедшей в 1847 году.

Еще не раздался первый отдаленный гром революции, а молодой поэт уже мечтал о ее всеочищающей буре:

Мечтаю о кровавых днях я,
Они разрушат все на свете,
Они на старого руинах
Мир сотворят, что нов и светел.

Петефи тревожила мысль, что «его ждет смерть в постели», что «будет суждено мне гаснуть, трепеща, как в комнате забытая свеча». «Нет! Смертью не такой хочу я умереть!» — восклицал поэт, мечтая, что народы сбросят ярмо неволи и на алых знаменах появится лозунг святой: «Мировая свобода!»

И с востока на запад народы тот зов протрубят,
И тираны, услышав тот зов, задрожат, —
Пусть тогда упаду я,
Пусть там гибель найду я...

В поэзии для Петефи была важна прежде всего ее боевая направленность. Он не хотел, чтобы стих его походил на раздушенного франтика в бальных перчатках, вбегающего для забав в салон. Он хорошо знал, что «в наши дни идеи бьются», и хотел быть участником сражения:

Я — командир, а мой отряд —
Мои стихи: в них что ни рифма
И что ни слово, то — солдат!

Петефи был пламенным венгерским патриотом, патриотом-революционером в лучшем смысле этого слова. Он горячо любил свой народ, свой язык, свою страну и с гордостью говорил: «Венгерец я!» Но вместе с тем ему было больно и стыдно за рабское унижение родного народа. Он хотел, чтобы венгерский народ был одним из передовых бойцов за освобождение человечества, ибо «нация, которая боролась за человечество, погибнуть не может». «Если не придет революция, которая все перевернет и спасет все, то мы погибнем, и так позорно, как ни одна нация еще не погибала», — писал поэт.

Петефи еще до революции от имени простого трудового венгерского народа выступал против угнетателей, короля и феодальной помещичьей знати, предупреждая их:

Народ пока что просит... Просит вас!
Но страшен он, восставший на борьбу.
Тогда народ не просит, а берет!

За два дня до 15 марта, когда вспыхнула революция, Петефи написал знаменитую «Национальную песню», ставшую гимном восставшего венгерского народа:

Встань, мадьяр! Зовет отчизна!
Выбирай, пока не поздно, —
Примириться с рабской долей,
Или быть на вольной воле?
Богом венгров поклянемся
Навсегда,
Никогда не быть рабами,
Никогда!

Петефи был последовательным революционером-демократом. «Вот уж многие годы, — писал он в дневнике, — моим единственным чтением, утренней и вечерней молитвою, хлебом насущным стала история французских революций, это новое евангелие мира, в котором второй спаситель человечества изрекает свои глаголы». Петефи боролся за то, чтобы революция выкорчевала без остатка все корни угнетения.

Призывая народ к беспощадной борьбе за торжество революции, Петефи в стихотворении «Нация» ясно указывает на опасность со стороны внутренних врагов, контрреволюционеров-предателей.

Где наш враг? — ты спросишь. — Между нами!
Справа, слева, — он повсюду, братья!
Самый беспощадный и опасный
Тот, кто заключает нас в об'ятья.
Брат, спокойно предающий брата, —
Вот она, гнуснейшая порода!
Сто других один такой испортит,
Словно капля дегтя — бочку меда!

Эти стихи Петефи о внутренних врагах, так же, как и об иноземцах, злобствующих при виде побеждающей революции («О, иноземцы, что вы нас грызете, что злобствуете?»), звучат современно и сейчас, спустя сто лет после их написания.

Поэт хотел сражаться до конца. Провожая уходящий 1848 год, Петефи заявил, что он «записался в солдаты и стихов писать не будет, или только палашом». Поэт погиб в борьбе за революцию, но его пламенные песни дошли до наших дней. Венгерский народ завершил победно свое освобождение и, празднуя столетие революции 1848 года, торжественно чествует память своего пламенного поэта-борца Шандора Петефи, «соратника Кошута, великого гражданина и певца свободолюбивого венгерского народа», как сказал глава советской делегации товарищ К. Е. Ворошилов, выступая 15 марта на торжественном заседании венгерского парламента по случаю столетней годовщины венгерской революции 1848 года.

Петефи был не только боевым политическим поэтом, но и тонким своеобразным лириком, пейзажистом, жанристом. Он прекрасно описывал венгерскую природу, дал ряд колоритных жанровых сцен из народной жизни. Его поэма-сказка «Витязь Янош» и многие его песни давно стали народными. Любовная лирика Петефи может сравниться с лучшими образцами мировой поэзии. Петефи черпал сюжеты и содержание своего творчества из живой жизни и выражал их народным языком. По его стихам можно проследить всю историю его недолгой, но замечательной жизни: и как он скитался и бедствовал, и как был актером, и как стал, наконец, поэтом, и как боролся за революцию. Поэзия Петефи жизнерадостна и жизнеутверждающа; она подлинно народна и национальна, будучи в то же время общечеловеческой, как все великие произведения искусства.

Со всем этим богатством и разнообразием творчества венгерского поэта хорошо знакомит советских читателей любовно изданный том избранных произведений Петефи на русском языке. Составительница Анна Краснова включила в него лучшие стихи Петефи и дала хороший перевод дневников, статей и писем поэта. Переводчики, каждый в меру своих сил, старались возможно более точно передать содержание и поэтическую форму замечательных стихов Петефи. Поэт Анатоль Гидаш написал для книги яркую критико-биографическую статью. Произведения великого венгерского революционного поэта Шандора Петефи становятся благодаря этому доступными широкому кругу советских читателей. Появление этой прекрасной книги на русском языке безусловно будет содействовать дальнейшему укреплению и углублению дружбы и взаимопонимания между народами Советского Союза и народом свободной демократической Венгрии.

Мих. ЗЕНКЕВИЧ

Петефи. «Избранное». Вступительная статья А. Гидаша. Стихи в переводах М. Замаховской, В. Звягинцевой, В. Инбер, В. Левика, Л. Мартынова, М. Михайлова, С. Обрадовича, Б. Пастернака, А. Ромма, Н. Тихонова, Н. Чуковского. Перевод прозы А. Красновой. Гослитиздат. Москва, 1948 год, 488 стр.

ТРЕТИЙ ПЛЕНУМ ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО КОМИТЕТА

Беседа с председателем Славянского комитета СССР генерал-лейтенантом А. С. Гундоровым

Из Праги в Москву возвратилась делегация Славянского комитета СССР, участвовавшая в работах III пленума Общеславянского комитета. В беседе с корреспондентом «Литературной газеты» руководитель делегации генерал-лейтенант А. С. Гундоров сообщил, что участники пленума заслушали информацию председателя Общеславянского комитета генерал-майора Югославской армии Божидара Масларича о деятельности комитета за время с первого послевоенного пленума, состоявшегося в декабре 1946 года.

В своем докладе Б. Масларич указал, что славянские страны, тесно сплотившиеся вокруг СССР, являются передовым отрядом в борьбе за мир и демократию. Налаживаются связи с неславянскими странами народной демократии — Албанией, Венгрией, Румынией.

Укрепляются связи с демократическими антифашистскими международными организациями — Международной демократической федерацией женщин, Федерацией демократической молодежи, Всемирной федерацией профсоюзов и другими.

Пленум рассмотрел также вопрос о подготовке к конгрессу ученых-славяноведов, который намечено провести в Москве в апреле этого года. Окончательно уточнена программа конгресса и состав его участников. С докладами выступят виднейшие ученые славянских стран. Всего будет заслушано более 80 докладов.

Пленум решил созвать второй общеславянский конгресс в октябре этого года в Праге.

Большому флоту — большая литература

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Двести пятьдесят комсомольцев-моряков собрались на литературный вечер, организованный комсомольским отделом Политуправления Краснознаменного Балтийского флота и редакцией газеты «На вахте». На вечере были обсуждены некоторые произведения советской литературы, посвященные героям-воинам.

Собрание обратилось с письмом к советским писателям, в котором говорится:

«... В годы Великой Отечественной войны и после нее наша литература создала новые образы героев нашего времени, людей с орлиными крыльями, знаменосцев ленинизма, знаменосцев победы и счастья. Мы полюбили Олега Кошевого, Мересьева, Алексея Куликова-бойца, Сабурова, Василия Теркина, Юрия Брянского и других. Полюбили их за ратные труды на благо нашей Родины, за их чистую жизнь, до конца отданную борьбе за великое дело Ленина—Сталина.

С особым интересом читали мы, моряки, книгу рассказов «Морская душа» Леонида Соболева, «Морское братство» Александра Зонина, пьесы Бориса Лавренева «За тех, кто в море!» и Александра Крона «Офицер флота» — произведения, посвященные подводникам и катерникам, морским пехотинцам и артиллеристам. Они сыграли немалую роль в воспитании советских моряков. Но всего этого мало, очень мало, товарищи писатели!

Мы пишем вам письмо и в полный голос говорим с вами, как читатели и как воины: дайте больше книг об армии и флоте!

В частности, нам, военным морякам, хотелось бы напомнить писателям слова товарища Молотова: «У могучей Советской державы должен быть соответствующий ее интересам, достойный нашего великого дела, морской и океанский флот».

...Мы обращаемся ко всем писателям, мы обращаемся к президиуму Союза советских писателей СССР.

... Мы обращаемся и лично к писателям, знающим и любящим флот, — дайте нам настоящие, партийные, страстные, правдивые и высокохудожественные произведения о флоте и флотской молодежи!

Большому флоту нужна большая литература!»

ВСЕРОССИЙСКОЕ СОВЕЩАНИЕ БИБЛИОТЕЧНЫХ РАБОТНИКОВ

23 марта в Краснознаменном зале ЦДКА откроется совещание библиотечных работников РСФСР. В нем примут участие около 800 представителей областных, сельских, районных, городских и детских библиотек, а также сотрудники библиотек общесоюзного значения и крупных ведомственных книгохранилищ.

Совещание продлится семь дней. С докладом о состоянии и задачах библиотечной работы в республике выступит председатель Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР Т. Зуева. Содоклад на тему «Роль рекомендательной библиографии в руководстве чтением и самообразовании» сделает В. Ольшев — директор Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

Последние три дня совещания посвящаются работе секций.

В здании ЦДКА будет развернута выставка документов, фотографий и диаграмм, иллюстрирующих состояние библиотечного дела в РСФСР.

В поход за высокий урожай!

КИЕВ. (Наш корр.). Участию украинских писателей в борьбе за высокий урожай 1948 года было посвящено очередное заседание президиума Союза советских писателей Украины совместно с литературным активом Киева.

— Мы в долгу перед тружениками социалистического земледелия, — заявил в своем докладе А. Корнейчук. — Темы современного колхозного села не получили еще достаточно яркого отображения в книгах украинских литераторов.

— 188 выдающихся работников сельского хозяйства республики удостоены высшей награды — звания Героя Социалистического Труда — за сталинский урожай 1947 года. А многие ли из них нашли свое место в художественных произведениях? — спрашивает тов. Корнейчук.

— Наше колхозное село, высоко поднявшее знамя культуры подлинно социалистического труда, ждет от интеллигенции города помощи в дальнейшем улучшении культурно-просветительной работы. Колхозники ждут от нас новых художественных произведений, вдохновенных песен, стихов и очерков, передающих опыт новаторов сельского хозяйства всему колхозному крестьянству. Этого ждет от нас весь народ, к этому призывает нас и решение только что закончившегося пленума ЦК КП(б)У, где прямо записано, что Союз советских писателей Украины, наряду со всеми культурными организациями республики, «должен уделить особое внимание улучшению культурно-просветительной работы на селе и удовлетворению культурных запросов колхозного крестьянства», — заявил в заключение тов. Корнейчук.

В прениях по докладу выступили писатели В. Кучер, П. Панч, А. Гончар, А. Михалевич, Ю. Мокреев, Н. Рыбак, М. Пригара.

В резолюции собрания украинских литераторов писатели единодушно заявляют, что считают делом своей чести участвовать вместе со всем народом в борьбе за высокий сталинский урожай 1948 года. Многие украинские писатели выразили желание выехать в колхозы и принять участие в подготовке и проведении весеннего сева.

Президиум Союза советских писателей Украины совместно с писательским активом Киева принял обращение к художникам, артистам и композиторам, призывающее их стать в первые ряды борцов за высокий урожай 1948 года и новыми произведениями возвеличить и увековечить образы передовиков сельского хозяйства родной республики.

Привет другу

Семен КИРСАНОВ

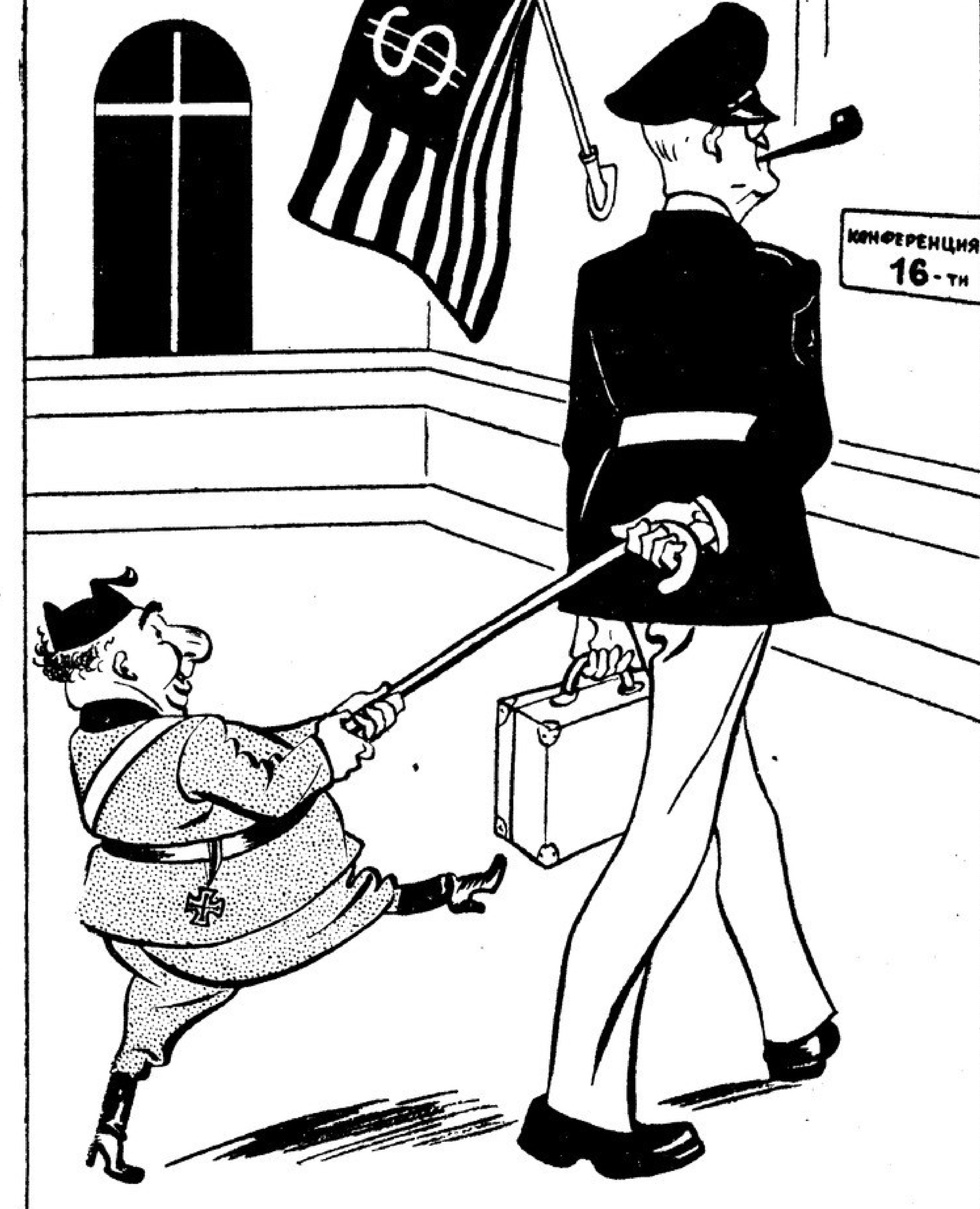
Знаете,
где станция
«Площадь Революции»?
Там вот
иностранца я
увидал на улице.
Не из тех,
которые
ради интереса
шлются к нам
конторами
кругосветных рейсов.
Не из тех,
что, пользуясь
биржевым затишьем, —
ищут
вплоть до полюса —
где поэкзотичней.
Мой
шагал
в дублёной
шубе из овчины.
А глаза —
влюблённые!
И не без причины!
Смуглотой румянятся
скулы
южной крови.

Был мой иностранец
черно-угле-бровый.
Он идет,
приглядывается
к людям на панели.
Видит,
как прокладываются
под землей
тоннели.
Как у нас
без долларной
ростовщицкой лепты —
обгоняют —
здорово! —
сроки пятилетки!
И горят
глаза его,
потому что чувствует:
люди,
как хозяева,
по снегу похрустывают.

Это те,
что призваны —
первые на свете —
солнце
коммунизма
встретить на рассвете!
По глазам
угадываю
мысль большую
эту:
хочешь ты
Болгарию
привести к расцвету —
без поклона
Трумэну,
мистеру
и сэру!
По прямому,
трудному,
русскому
примеру!
Будущность
могучую
Родине подаришь!
По такому
случаю
руку дай,
товарищ!

По сообщениям печати, поездка генерала Клея в Мадрид связана с намерением США распространить на франкистскую Испанию действие плана Маршалла.

Рис. Бор. ЕФИМОВА.

Трость генерала Клея.

Акад. Е. ТАРЛЕ

Дело Коммуны живет!

Как много самых живых ассоциаций с современностью пробуждают в нас воспоминания о Парижской Коммуне! И, может быть, ни в одной области политической жизни эти ассоциации не являются такими живыми и яркими, как именно в области внешней политики.

Март 1871 года. Перед нами два лагеря. На одной стороне — французские коммунисты, социалисты, радикальные республиканцы. Для этого лагеря победа бисмарковской Пруссии над их родиной была нестерпимой обидой не только потому, что приносила с собою чувство жгучего национального унижения. Они видели в этой победе злобное и издевательское торжество всемирной реакции, возглавляемой Бисмарком, — этим типичным выкормышем ост-эльбского дворянства, — над великими принципами всех трех французских революций — 1789, 1830 и 1848 годов.

И всюду в Европе люди, близкие им по убеждению, страдали, как и они, от этой двойной обиды — за Францию и за идею революционной борьбы.

«Что может быть для страны горше участи быть попираемой пятой лихтенштейнца?» — с горечью восклицал Салтыков-Щедрин. И воодушевляемый ненавистью к этому наглому прусскому сапогу, топчущему великий народ революционных традиций, наш бессмертный сатирик с тревогой думал о том, «каким только истязаниям бисмарковская Пруссия подвергнет ненавистную ей страну начинаний, которая так часто била тревогу»!..

Когда коммунары овладели Парижем, когда еще не исчезла у них надежда на то, что за Парижем в их лагере окажется вся страна, тогда не было у них более задушевной мечты, как возобновление борьбы против немецкого нашествия.

Присмотримся теперь к другому лагерю, к большинству Национального собрания, начавшего свои заседания в Бордо и переехавшего затем в Версаль. Этот лагерь тоже имел в тот момент свою совершенно точно и ясно очерченную цель.

Господствующее буржуазное большинство даже не нуждалось в том, чтобы его признанный вождь и руководитель Адольф Тьер раз'яснил ему, какова должна быть эта цель: истребление коммунаров и всех им сочувствующих огнем и мечом и, как необходимая для этого предпосылка, — скорейшее примирение с прусским победителем любой ценой, лишь бы поскорее!

Запахло кровопролитием, запахло новыми избиениями пролетариата в еще больших размерах, чем это было в июне 1848 года, и Тьер оказался тут как тут.

Маркс давно (еще до Коммуны) заметил, что Тьер всегда оказывался тут как тут, когда нужно было убивать народ. Тьер, автор двадцатитомной «Истории Консульства и империи», где крайне красноречиво, хотя и с чрезмерной, слишком уж сорочьей болтливостью, проповедывались две «истины»: во-первых, французы почти всегда закидывали шапками любого врага и супостата и только потому ушли в 1812 году из России, что Кутузов оказался «невежественным варваром» в военном искусстве и не умел воевать «по-образованному»... А вторая идея этой двадцатитомной пропаганды заключалась в том, что, собственно, все войны Наполеона были оборонительными, и не виноват этот миролюбивый государь в том, что ему приходилось всю жизнь защищаться от неугомонных соседей, обижавших его...

Барабанный шовинизм Тьера породил бесчисленных учеников и подражателей и в историографии и в публицистике, а сам Тьер сделался как бы олицетворением сверхпатриотических чувств, не допускающих мысли, что Франция может быть когда-либо не права или не победоносна.

Но в марте 1871 года в неистово патриотической душе Тьера даже и борьбы никакой не возникло, и сомнений ни малейших не поднялось. «Бисмарк вчера был врагом, но сегодня он желанный друг и естественный союзник против общего неприятеля, революционного Парижа. Пусть поможет, пусть вернет из плена нужную для подавления Коммуны французскую армию. Это главное! Хочет взять Эльзас? Пусть берет! Хочет брать Лотарингию? Пусть берет! Хочет восемь миллиардов франков золотом контрибуции? Пусть и их берет!» Бисмарк уже за этими восемью миллиардами и руку протянул, но тут его внезапно смутил германский посол в Петербурге, телеграфировавший ему шифрованно, что царь «кажется, хмурится» по поводу непомерных немецких аппетитов. Пришлось удовольствоваться пятью миллиардами.

Но уже зато Бисмарк «на совесть» помог Тьеру одолеть их общего врага: вернул из плена армию Мак-Магона.

10 мая 1871 года был подписан франко-германский мир, а 21 мая началась та страшная «кровавая неделя», которая кончилась лишь 28 мая у стены Пер-Лашеза после бомбардировки, пожаров, яростной рукопашной борьбы, убийств и расстрелов тридцати тысяч коммунаров.

Оба соратника имели основание обменяться крепким рукопожатием: Тьер избавился от социальной революции, Бисмарк — от очень беспокоившей его, как мы теперь знаем, перспективы продолжения войны, чреватой всякими военными и дипломатическими неожиданностями.

Спустя восемь лет после событий 1870—1871 годов старый фельдмаршал и бывший главнокомандующий Гельмут фон Мольтке в ответ на слова одного прусского гвардейского офицера, что он, мол, в 1871 году уже не беспокоился относительно исхода войны, иронически заметил: «В самом деле? Вы не беспокоились? Ну, а вот я очень беспокоился!..» Гибель Коммуны была победой французской буржуазии, шедшей за Тьером, и немецкой, шедшей за Бисмарком. Общей их победой над французским трудовым народом...

Таковы воспоминания, пробуждаемые годовщиной 18 марта. Но разве нам необходимы эти календарные меты, чтобы помнить о Коммуне и ее палачах вообще или о тогдашнем национальном предательстве со стороны эксплоататорских классов, в частности? Разве «текущая политика» хотя бы той же Франции не приводит вполне естественно и неизбежно на мысль события и имена деятелей минувших времен? Есть, правда, и некоторые отличия.

Конечно, не бог весть какие умственные атлеты были деятели тогдашней реакции, — но все-таки покрупнее, чем теперь, когда, говоря словами партизана Дениса Давыдова, «все смешались шашки и полезли из щелей мошки да букашки».

Не то, что с Тьером, но даже с немудрящим маршалом Мак-Магоном, которому так туго давалась грамота, не идет в сравнение, например, хотя бы предлагающий себя в спасители отечества де Голль. С Тьером де Голль имеет только то общее, что выражает большую готовность расстрелять когда угодно и сколько угодно коммунистов, которые попадут каким-либо случаем когда-либо в его руки. А с Мак-Магоном де Голля роднит разве только классический афоризм Клемансо: «Французские генералы отличаются обыкновенно двумя свойствами, — во-первых, они заканчивают свое общее образование и умственное развитие в начальных классах иезуитских колледжей, а во-вторых, они, будучи на службе, всегда усердно готовятся не к предстоящей войне, а к той, которую они проиграли».

Конечно, де Голль, как и его друзья — Морис и Робер Шуманы, Жорж Бидо, Жюль Мок, с еще большим усердием продают Францию нью-йоркской бирже и государственному департаменту, чем Тьер и Жюль Фавр продавали ее Бисмарку и берлинскому штабу, но, помимо того, нынешние «доблестные» государственные мужи Франции сделали еще один роковой для их несчастной родины дальнейший шаг, на который все-таки не отважились их духовные отцы и предшественники...

И Тьер и Жюль Фавр знали, что даже одной только отдаленной угрозы русского неудовольствия и намека на дипломатическое вмешательство оказалось достаточным, чтобы Бисмарк мгновенно сбавил контрибуцию с восьми миллиардов до пяти. А позднее — в 1875 году — лишь вето Горчакова спасло Францию от нового нашествия немецкой орды. И как бы им обоим — Тьеру и Жюлю Фавру — ни хотелось подольститься к Бисмарку, все-таки им и в голову не пришло в угоду ему демонстративно ссориться с Россией, чтобы сделать Францию совсем уже беспомощной перед лицом немецкого победителя и безжалостного грабителя.

А вот Жорж Бидо по прямому приказу Даллеса пошел на демонстративное ухудшение отношений, — уже не с царской Россией, а с могущественным Советским Союзом, другом и защитником свободы и национальной независимости всех народов. Ничего не поделаешь! С кем велят ссориться, с тем и ссорься! И поменьше, вообще, рассуждай!

Шуманы, Бидо, Блюмы и прочие боятся своего народа. Им Трумэн и Маршалл кажутся нужнее для спасения французской плутократии, чем казался Тьеру Бисмарк, потому что они видели, как современная французская плутократия совсем недавно бросилась за спасением даже не к Адольфу Тьеру, а к Адольфу Гитлеру... Не до жиру, быть бы живу...

Когда Эдуард Даладье успешно продал в Мюнхене в сентябре 1938 года Гитлеру и Герингу Чехословакию, а уж, кстати, тем самым и Францию, когда впоследствии тот же Даладье свою мнимую, притворную «войну» против гитлеровской Германии начал только тем, что засадил в тюрьму сразу несколько тысяч коммунистов и на этом покончил «военные» действия, то это были с его стороны вполне последовательные логические поступки. Слуга и защитник «двухсот семейств», сосущих все соки из трудового народа Франции, непременно должен был прежде всего обезвредить **единственную** французскую партию, которая в самом деле, всерьез хотела воевать против Гитлера, а не сдаваться ему, — партию, которая ясно видела, что эти «двести семейств» ждут не дождутся (как и большинство министров) воцарения гитлеровского «порядка» во Франции.

Именно эта **единственная** французская партия — коммунистическая партия ведет теперь борьбу за честь и свободу французского народа. Знамя Парижской Коммуны осеняет истинных патриотов и демократов Франции. И никаким нью-йоркским золотым мешкам, никаким парижским пигмеям, покорно выполняющим волю американских хозяев, никаким достойным преемникам и подражателям Адольфа Тьера и Адольфа Гитлера не удастся отсрочить на долгий срок свою гибель. Колесница истории, которую они так усердно стремятся повернуть вспять, раздавит их.

ПРАВО НА ВНИМАНИЕ

Основанная в 1840 году Невская писчебумажная мануфактура — ныне Ленинградская бумажная фабрика имени Володарского — вот уже более ста лет производит высшие сорта бумаги.

На превосходной бумаге этой фабрики печатаются труды Ленина и Сталина, издания Академии наук СССР и Академии художеств. Таких фабрик в нашей стране только две, а по качеству и разнообразию продукции «Володарка», — как ее любовно называют рабочие, — лучшая в Советском Союзе.

Фабрика по праву гордится не только своей бумагой, но и теми, кто ее делает, — энтузиастами бумажной промышленности, среди которых есть и ветераны с полувековым стажем, и молодые стахановцы. Никто не скажет, что фабрика имени Володарского работает плохо. Фабрика регулярно выполняет план, и качество ее продукции находится на высоком уровне.

Казалось бы, все в порядке. План выполняется. Бумага хорошая. Чего же еще можно требовать от фабрики? Конечно, легко представить себе положение дел на «Володарке» ясным и безоблачным, как погожий летний день. Между тем, облака видны даже сквозь крышу одного из цехов.

Хорошо, да не дюже

Всякому, кто побывает на фабрике, становится ясно: работать можно лучше, производительнее. Необходимо устранить все, что мешает фабрике работать в полную свою мощность. Многое можно сделать своими силами. Что же мешает работе?

Мешает увеличить выпуск продукции почти полное отсутствие малой механизации. Деревянные полы должны быть заменены асфальтовыми. Сейчас по ветхому деревянному полу паккамеры идут по рельсам устарелые вагонетки, их с трудом толкают несколько человек.

Дворы между цехами замощены булыжником. На фабрике есть автокар, который во много раз облегчил бы погрузку и разгрузку. Но автокар не может ходить по булыжнику. Залить асфальтом дворы — не такой уж титанический труд. Не так сложно поставить имеющуюся на фабрике упаковочную машину, освободив этим десятки рабочих рук, занятых тяжелым и неблагодарным трудом. Ничего сверх'естественного от руководства фабрики не требуется. Все это вещи вполне достижимые.

Почему же их нет? И почему есть много такого, чего не должно быть? Нам кажется, что причина тут общая. И о ней стоит поговорить подробно.

Ясли и «если»

Если учесть, что большую часть рабочего коллектива «Володарки» составляют женщины и что каждая пара умелых рук — это новые тонны бумаги, то станет ясно, что уход с фабрики в ноябре и декабре 1947 года девяти хороших работниц — большая потеря для производства.

Причина у всех одна: если бы при фабрике были ясли, то матери остались бы на своих рабочих местах.

Надо сказать, что коротенькое словечко «если» можно часто услышать на «Володарке».

Если бы имелся клуб, то вечера, собрания и вся культурная работа не проводились бы в тесном и неприспособленном помещении столовой.

Если бы существовал клуб, туда переехала бы ютящаяся сейчас в тесноте и в обиде, а главное, в холодной комнате библиотека, насчитывающая до 6.000 томов.

Если бы в клубе было интересно, шли бы спектакли, демонстрировались фильмы, работали кружки, насколько ярче и веселее проходили бы часы досуга.

Все это было бы возможно, если бы помещение клуба и яслей не было занято 24-м отделением милиции (начальник — тов. Байков). А Байков не сидел бы в комнате, предназначенной для «ползунков», и дежурная камера не помещалась бы в читальне, если бы председатель Володарского райсовета тов. Дмитриев выполнил приказ Совета Министров СССР от 26 сентября 1947 года об освобождении клуба фабрики.

А если бы председатель Ленинградского городского совета тов. Лазутин всерьез заинтересовался этим делом и понял всю его политическую важность, то отпали бы все предыдущие «если».

Но пока что — «если» заменяют ясли, да заодно — и клуб.

Почтовый ящик

На фабрике имени Володарского, в цехах, на лестнице, в столовой, висят небольшие фанерные ящики с надписью «Писателям». Эта мысль родилась на одном из совещаний с рабкоровским активом и полностью себя оправдала. Рабочие, мастера, инженеры пишут о том, что их волнует, вносят полезные предложения, сигнализируют о неполадках больших и малых, о необходимости реконструкции энергетического хозяйства и о сквозняках в предбаннике. Каждое письмо имеет свою судьбу: одно превращается в стихотворный фельетон для фабричной стенгазеты, другое обсуждается в парткоме фабрики, где принимаются оперативные меры, третье «пикирует» на стол министра.

Писем много потому, что володарцы понастоящему «болеют» за свою фабрику.

Как было бы хорошо отобрать наиболее интересные и важные письма и — целым ящиком отправить их прямому адресату: Министерству целлюлозно-бумажной промышленности. В небольшой ящик поместились бы и письма о специальных складских помещениях (их нет, а цехи завалены готовой продукцией!), и об изразцовой облицовке чанов (они остро нуждаются в этом), и о чернило-пролитных боях за клуб и ясли (они все еще заняты милицией), и об обветшалых полах и потолках, и о котельном хозяйстве, требующем безотлагательного ремонта.

Были бы письма и о жилье. Фабрика остро нуждается в жилых домах, и они запроектированы. Строятся ли они? Нет. В министерстве знают об этом: строительство утверждено и стройматериалы отпущены. Правда, вместо 3000 кубометров получено 200 кубометров. Почему же не видно никакой заботы о жилищном строительстве?

На примере фабрики имени Володарского отчетливо видно, как недопустима самоуспокоенность. Когда в работе прорыв, каждому ясно, что его надо ликвидировать, добиться хороших показателей. Но вот эти показатели достигнуты, надо двигаться дальше. И здесь-то иногда люди не ставят перед собой больших задач, довольствуются малым.

В самом деле, если бы фабрика была в глубоком прорыве, план систематически не выполнялся, качество продукции резко снизилось, — тогда бы, наверно, забили тревогу и в местных организациях и в министерстве.

А так, что же: клуба и яслей нет, но бумагу-то делают хорошую. По двору не может ходить автокар, но план-то выполняется. В одном из цехов можно, не выходя из помещения, увидеть над головой звезды и облака, — но фабрика-то все равно работает... Какие же еще могут быть разговоры! И воцаряется нехорошее обывательское спокойствие.

Нет, нельзя примириться с этим! Сердечной заботой надо уметь ответить на честный и плодотворный труд спаянного коллектива старой фабрики. Володарцы заслуживают дружеского внимания министерства.

Бригада Союза советских писателей и «Литературной газеты»:

П. ДАЛЕЦКИЙ, А. РАСКИН, Б. ТИМОФЕЕВ.

Вяч. КОВАЛЕВСКИЙ

ВРАГ ЛЮБВИ

Рассказ

На резком фоне светлого неба, как на экране, медленно опускалась на тросе связка толстых железных прутьев. В донное отверстие со стороны стремянки вошли еще трое рабочих. Когда до прутьев можно было уже дотянуться рукою, они развернули связку в воздухе, заводя концы прутьев, насколько позволял трос, во вход донного отверстия, и начали разбирать связку, устанавливать прутья вдоль стенки, опуская их нижними концами прямо в бегущую воду.

Отсюда, из глубины отверстия, где я стоял, все движения рабочих рисовались силуэтно, как черное на ослепительно белом. Вскоре появился еще один силуэт. Это была девушка в комбинезоне. Едва ступив на поперечную доску подмостков, служившую мостиком между правой стеной и левой, она больше уже ни на одну секунду не оставалась без движения. По ее резким жестам и по энергично шевелящимся губам и открывающемуся рту сразу было понятно, что она распоряжается и дает указания.

Потребность что-то вспомнить начинала овладевать мною, и мне казалось, что, не будь такого навязчивого грохота воды, я поймал бы в памяти то, что искал. В это время начали рвать толом камни в карьере около Царской пристани. И эти взрывы, поданные, как через заглушку, сквозь толщу водяного гула, дошли до меня звуками далекого боя и сразу подобрали мне ключ к ораторским жестам девушки. Я закрыл глаза и все вспомнил. И когда она подошла к листу фанеры, прикрывавшему мешочки с цементом, и быстро — раз-раз — нарисовала схему крепления эстакады и белыми крестиками наметила, в каких местах сваривать железные стержни, я уже знал, чьи это пальцы держат кусочек мела и заправляют пряди волос под косынку, чтоб они не лезли в глаза.

Мне захотелось зайти со стороны света, чтобы увидеть ее всю, и я прошел по мосткам к выходу из донного отверстия.

Да, это была Шура Медведева. Она очень изменилась. От ее бледности не осталось никаких следов — она поправилась и пополнела. Здесь, на доске над бегущей водой, стоял уже совершенно другой человек, чем там, у Щебенки, словно Шура Медведева не вернулась с войны, осталась там навеки, а здесь об'ясняется жестами и командует старшая сестра Шуры Медведевой, которая, может быть, коечто и расскажет о той, невозвратившейся...

* * *

Не раз я слышал на фронте в тридцатой дивизии и от солдат, и от офицеров: «Меня спасла Шура Медведева», или «Если бы не Шура Медведева, я бы истек кровью».

Я спросил о ней парторга медсанбата, лейтенанта медицинской службы Веру Николаевну Тихомирову, вдумчивую, неторопливую женщину лет тридцати восьми, — волосы у нее были совершенно седые. Она мне ответила:

— Шура Медведева — недоступная девушка. Для некоторых она даже грубая. А главное, она принципиальный враг любви на фронте. Она считает любовь на фронте глупостью, говорит, что все личное, интимное должно быть отложено на «после войны». Шура — прекрасная комсомолка. Мы готовим ее в комсорги.

Скоро мне представился случай поговорить самому с Шурой Медведевой. После недавнего ранения она была еще слаба, и ее временно провели приказом в роту выздоравливающих. Здесь и состоялся наш неожиданно для обоих откровенный разговор о любви.

Шуру нельзя было слушать спокойно.

Она переживала заново то, что рассказывала, говорила порывисто, но с большими паузами. Остановки нужны ей были для того, чтобы шаг за шагом, еще и еще раз перебрать в памяти то, что не переставало ее мучить.

— Я была девчонкой. Это было еще в самом начале войны, под Москвой. Я увидела этого человека в самый разгар боя. Так неудачно получилось, что узел связи и полковой медпункт оказались вместе, в подвале кирпичного дома. Нас, несколько девушек из медсанбата, подбросили в полковой медпункт для усиления. Очень много было раненых, и нас послали помогать...

Она покраснела. И каждый раз, когда она так краснела, у меня возникало к ней что-то похожее на чувство благодарности, как будто этим она выражала свое доверие ко мне. Она сидела против меня уже какая-то другая, вдруг совершенно преображенная силою своих воспоминаний.

— Ну хорошо, — сказала она, — расскажу по порядку. Наружную дверь вышибло взрывом. У нас в подвале задуло все коптилки. Только что я успела зажечь фитиль в одной гильзе, — все смотрим в дыру от двери, ждем немцев, приготовили гранаты, а вместо этого входит командир двенадцатого полка, майор... Ну, одним словом, майор, командир тысяча двести двенадцатого полка.

— Мне трудно вам это передать... Несколько моих подруг и товарищей убило в этом подвале, а раненым я ничем не могла помочь. Этот подвал был конец света для нас — смерть. А он вошел, как наше спасение. Можно сказать, он пришел и воскресил нас из мертвых. Сильный, спокойный, большой. Сел к аппарату, взял трубку и тут же рапортовал комдиву, что у него достаточно сил для контратаки. И начал командовать...

— Немцев отбили, стало легче. Раненых вынесли. Люди ушли вперед. Командир полка расчистил на полу место от мусора, убрал обвалившиеся кирпичи и сел рядом со мною, где стоял аппарат. Он признался мне, что очень устал — не спал двое суток. Прислонил голову к моему плечу и затих. Мне было очень хорошо от того, что такой большой, сильный, а сидит, как ребенок. Я думала — пускай он так уснет, отдохнет. Он затих, и я думала — спит. А он вдруг взял мою руку и поцеловал в ладонь. Так делала моя мама, и я не удержалась и заплакала. Моя мама погибла в Москве во время бомбежки. Но он не видел слез — он в самом деле заснул. Он заснул, прислонившись к моему плечу. Мне было очень неудобно сидеть на полу с вытянутыми ногами: ноги затекли, плечо ныло. Но я не шевелилась, терпела: пускай человек отдохнет — это нужно нам всем, нужно для победы. Настанет утро, меня отзовут, я вернусь в медсанбат, а он пойдет со своим полком. А теперь пускай спит. И я терпела. Он проспал часа полтора.

— Когда он ушел, я опомнилась и взяла себя в руки. С этих пор получалось так, что мы довольно часто виделись. Я старалась избегать встреч, но разве это зависело от меня одной? В один прекрасный день меня проводят приказом к нему в полк связисткой. Я сопротивлялась, говорила, что я медицинский работник, меня не стали слушать. Тут, конечно, неизбежно получилось так, что мы часто встречались. Но я не теряла голову. Я чувствовала, что я ему нравлюсь, но я избегала с ним разговаривать. Старалась не оставаться с ним одна. Если он приходил, я уходила. Я знала, что если я что-нибудь скажу ему, то у нас может пойти дальше, а это сейчас ни к чему. Бывало, идет бой, связь работает, много людей слышно на проводе, но я всегда узнавала его голос. Меня злило, что я невольно ищу его голос среди других голосов.

— Я взяла себя в руки. Мне помогло то, что я узнала причину моего перевода. Оказывается, это по его просьбе меня назначили к нему в полк. Это меня возмутило больше всего. Разве можно в такое время устраивать на войне свои личные дела?

— Я потребовала, чтобы меня отправили обратно в медсанбат. Он меня позвал к себе в землянку и говорит: «Шура, что ты плачешь? Разве ты не видишь, что я тебя люблю? Хочешь работать медсестрой, мы тебя переведем в санитарную роту. Сегодня мы идем в бой. Людей нехватает. Шура, идем с нами». — Он положил мне руку на плечо. И эта рука решила все: мне было приятно, что он дотронулся до меня, я поняла, что если останусь, то этим не окончится. Мне стало стыдно. Разве за этим я шла на передовую?

— Я ничего ему не сказала, сняла руку с плеча, молча ушла и самовольно явилась в медсанбат. Ему я отправила записку: «Не ищите меня. Больше я к вам не приду никогда». Начальник медсанбата приказал написать на меня рапорт за самоволку, сказал, что это дизертирство. Я приготовилась сесть под арест. Но вечером, действительно, началось наступление, и нас, несколько девушек, послали в полк, в медпункт, на усиление.

— И вот, как только мы пришли на ПМП, санитары говорят: «Командир полка лежит раненый, никто подползти к нему не может — немцы ведут огонь, не пускают». Я с ума сошла. Бегу на передовую. Расспрашиваю — никто ничего толком не скажет. Кто-то видел, как у него кровь хлещет изо рта, а помочь невозможно; другие говорят — убит. Я побежала дальше. Я кричала, я плакала, я не могла себе простить. Мне все казалось, — будь я около него, этого бы не случилось, я смогла бы ему помочь, спасла бы его. Ни сумки со мной не было, ни бинтов — ничего. Как бы я могла ему помочь, если бы нашла? Раненые стонут, а я иду, ничего не соображаю... Наконец, один ухватил меня за полу шинели и остановил силою. Наклоняюсь над ним — не он. Хочет что-то сказать и не может — лицо разбито, вся нижняя часть изуродована. Полушубок в клочьях. Человек истекает кровью. Я и сама уже выдохлась, нет сил. Он не отпускает, держит шинель. Я ему сказала: «Успокойтесь, я сейчас вас перевяжу. А у самой необыкновенный страх какой-то. Не от огня — нет. Вся трясусь. Надо бы достать из его полевой сумки индивидуальный пакет, а я боюсь дотронуться до сумки, словно она заминирована. В лицо ему тоже не могу посмотреть. Я попыталась встать, но он вцепился в шинель и не пускает. А дыхание у него такое, что слышу — еще немного и настанет конец. Зачем его мучить перевязкою? Но как только я это подумала, мне стало стыдно своей слабости. Я сказала себе: «Это, Шура, ты себе уловку ищешь, потому что боишься открыть сумку». И я заставила себя открыть сумку. И первое, что я увидела, — свою собственную записку: «Не ищите меня. Больше я к вам не приду никогда!» Потом я ничего не помню. Меня подобрали около него. Опознали его по документам...

И, сказав это, Шура вялым, каким-то безнадежным движением руки, с таким выражением лица, что теперь, мол, уже бесполезно отпираться, полезла в карман гимнастерки, вынула из него и положила на стол фотокарточку командира полка, на которой я ничего не мог разобрать под черными пятнами крови.

* * *

Должно быть, сейчас, на мостках, я смотрел на нее очень пристально. Шура это заметила. Она взглянула на свои руки, запачканные ржавчиной и цементом на стремянке, и, думая, что лицо у нее тоже грязное, несколько раз провела по лбу тыльной стороною ладони.

Я невольно улыбнулся. Тогда она стала ко мне спиною и несколько мгновений смотрела себе под ноги, на воду, бегущую по донному отверстию, о чем-то задумавшись. Два раза она обернулась в мою сторону, потом резко встряхнула головой и продолжала отдавать распоряжения.

Пытаться разговаривать в шуме воды было напрасно. Я поднялся на несколько перекладин стремянки и остановился, как на площадке, на узкой доске в начале помоста, соединявшего вдоль плотины все донные отверстия между собою. Несмотря на соседство водопада, здесь, все-таки, казалось тише: не было, как в донном отверстии, такого ощущения, что воздух, которым ты дышишь, спрессован.

Я стал ожидать Шуру.

Она оставалась внизу довольно долго. Но вот показалась белая косынка, вот ее плечи, видные мне сверху, а вот и вся она на ярком свету. Шура мельком взглянула на меня и опустила глаза. Я думал, что она захочет остановиться, и не уступил ей места на доске. Но Шура отстранила меня рукой с дороги и уже поставила ногу на железный прут стремянки, чтобы лезть выше. Тогда я протянул свою руку и остановил ее, дотронувшись до рукава спецовки.

Я спросил:

— Вы Шура Медведева?

Она ничего не разобрала и подставила свое ухо к моему рту. Я крикнул еще раз:

— Вы Шура Медведева?

Тогда она быстро повернула свою голову и припала к моему уху:

— Да! Что вы хотите от меня?

И так все время, пока длился этот диалог на железной стремянке, то один из нас, то другой подставлял свое ухо.

— Я писатель. Мы с вами встречались на фронте. Вы помните меня?

— Простите, у нас очень много бывает писателей и журналистов. Даже сегодня со мной беседовал товарищ из областной газеты «Большевик Запорожья».

— А роту выздоравливающих под Старою Руссой помните?

— Там тоже писатели у нас бывали. Своя дивизионная была газета и фронтовая, приезжали от центральных газет.

Для того, чтобы она меня слышала, мне приходилось почти касаться губами ее уха, но, вместе с тем, грохот воды раз'единял нас так, словно между нами простирались многие километры и мы разговариваем по рации, и это не живое человеческое ухо, а просто деталь аппарата для переговоров, и я кричу в этот аппарат. Вместе с тем я почувствовал, что расстояние между нами не сократится, и, сколько бы я ни кричал, до прежней Шуры я больше никогда не доберусь.

Между тем Шура почему-то покраснела, словно читала мои мысли. Она встряхнула головой (этого жеста у нее я раньше не знал) и, взглянув на ручные часы, крикнула мне в ухо:

— Меня ждут, — через полчаса у нас диспетчерское совещание. Если вам нужен материал для газеты, найдите начальника участка, — он вам расскажет лучше меня.

Цепко хватаясь за прутья стремянки и быстро перебирая ногами, Шура начала карабкаться вверх на гребень плотины. Я запрокинул голову и посмотрел ей вслед. Она так торопилась, словно боялась, что не успеет попасть на облако, которое в этот момент проходило как раз над плотиной.

В этот день я видел Шуру Медведеву еще несколько раз. Она не замечала моего присутствия. Просто она была поглощена своею работой, и все личное — тем более какие-то там воспоминания — сгорало на накале ее энергии, как шелуха, отпадало, как окалина с хорошо прокатанного листа стали.

Куда бы я ни пошел по плотине, я всюду натыкался на ее имя или на ее портрет: первая строка Доски почета посвящалась Александре Медведевой — производителю работ на участке плотины; у входа в контору висел большой поясной портрет Шуры Медведевой, написанный клеевыми красками, а на самой двери конторы я увидел расписание политзанятий по изучению Краткого курса истории ВКП(б), которыми руководила комсорг Медведева. Я уже не говорю о том, что среди портретов лучших стахановцев, помещенных в специальной витрине в парке культуры и отдыха, был, конечно, и ее портрет. Пока я находился в конторе, то и дело кто-нибудь входил и спрашивал: «Где Александра Ивановна?» или: «Где Шура Медведева?» Она нужна была всем.

Когда принесли из планового отдела на подпись ведомость с показателями выполненных норм, я пошел вместе с посыльным разыскивать Шуру Медведеву на плотине и долго ходил следом за нею по участку работ. Это было тем более удобно, что она не обращала на меня никакого внимания.

Мне повезло: я увидел, какой она может быть резкой и властной, когда на проезжей части плотины она запретила бригадиру класть асфальт на грязное бетонное основание. Она приказала при ней подтащить резиновый шланг и заново продуть сжатым воздухом место укладки асфальта, смахнуть мусор и пыль. Тут же она похвалила другого бригадира за то, что он придумал удачную конструкцию переносных металлических ограждений асфальтируемых участков.

В это время ее позвали на мост, перекинутый через шлюзовую камеру. Здесь только что сбросили с машины железные стержни для арматуры. Вдоль моста была запроектирована железобетонная коробка под кабели. Коробку еще не забетонировали, но уже обшили деревянной опалубкой. Шура легко спрыгнула в коробку и мелом на досках опалубки сделала чертеж, чтобы арматурщики знали, в каком порядке укладывать в коробке железные стержни для вязки арматурной сетки.

С моста она пошла опять на плотину — давать указания, в каких местах сверлить бурки для укрепления специальных конструкций, поддерживающих коленчатую трубу — «хобот» из железных коробок, — по которой для ускорения работ собирались подавать бетон с плотины прямо к донному отверстию.

Я возвратился в контору участка и спросил у парторга: откуда у Шуры Медведевой опыт производителя работ, ведь она недавно была на фронте? Парторг сказал мне, что Шура демобилизовалась еще в 1943 году после ранения; она окончила трехгодичный техникум, и что жажда и зоркость к работе у нее такая, что ее можно поставить куда угодно; рабочие так уважают Шуру Медведеву и любят, что они ее никогда ни на каком участке не подведут.

Я спросил:

— А семья у нее есть?

В разговор вмешалась бригадир бетонщиц Елена Комлева:

— Как же, у Шуры Медведевой замечательная девочка!

— Да нет, — перебил ее парторг. — Это воспитанница, а сама Шура у нас незамужняя.

Вечером я уезжал со строительства. Посредине плотины движение застопорилось: паровой кран подавал к донному отверстию бетон и загородил проезжую часть плотины.

Неожиданно раздался громкий крик Шуры Медведевой, хотя дело уже происходило на расстоянии не менее чем полкилометра от водопада. Она кричала:

— Товарищ капитан, товарищ капитан!

Я так привык опять к своей довоенной гражданской одежде, что мне и в голову не могло притти, что это она зовет меня.

Шура подбежала к машине, сама открыла дверцу кабины и закричала, стараясь быть ближе к моему уху, словно нас все еще продолжал раз'единять грохот падающей воды:

— Товарищ капитан, посмотрите, правда, хорошая девочка? — Она протянула мне фотокарточку и, густо покраснев, сразу напомнила мне ту самую Шуру из роты выздоравливающих.

— Это дочь командира полка. Как две капли воды! Правда, хорошая? Мать замучили немцы. Я ее разыскала, взяла себе. Теперь это моя дочка. Правда, хорошая?

В это время подбежала девушка в комбинезоне и, запыхавшись, проговорила:

— Александра Ивановна, к телефону в контору!

— Простите меня, — крикнула Шура. — Не обижайтесь на меня. У нас очень много работы.

Рассказ полностью печатается в альманахе «Год XXXI».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

РИС И БУМАГА

Из рисовой соломы, как уже давно известно, можно вырабатывать бумагу высших сортов. В нашей стране посевы риса непрерывно увеличиваются, но рисовую солому почему-то считают ненужным отходом. При обмолоте риса засоряются соломой многие тысячи гектаров полей, что усложняет их вспашку. Разбросанную солому обычно сжигают. Незадолго до Отечественной войны проблемой использования рисовой соломы начали заниматься. Всесоюзная опытная рисовая станция, где я работаю, отгрузила вагон соломы Киевской опытной фабрике Института бумажной промышленности. Нам прислали образцы изготовленной из нее бумаги. Прекрасная была бумага! Почему заглохло это начинание? Необходимо возобновить опыты переработки рисовой соломы. Ввиду сложности транспортировки большого количества соломы следовало бы обсудить вопрос о постройке бумажной фабрики в каком-либо из крупнейших рисоводческих районов.

Н. НАТАЛЬИН,
кандидат сельскохозяйственных наук.

Александр ИВИЧ

ПОРТРЕТ ГЕРОЯ

Героями художественных произведений все чаще становятся у нас современники, названные подлинным именем.

Это не случайная и очень значительная черта советской литературы.

Никогда и нигде человек не был так неразрывно связан со всем движением общественной жизни, как в окружающей нас советской действительности. Жизнь советского человека насыщена событиями, борьбой, богата идейным содержанием.

Этим, говоря в самых общих чертах, и об'ясняется возможность больших художественных обобщений в книгах, рассказывающих о реальных человеческих судьбах.

Нелегко утолить нашу жажду об'емного познания героя нашего времени, потому что литература последних лет приучила к высокой требовательности. И не удовлетворяют нас приблизительные, сторонние наблюдения над героями мирного труда, холодная информация об их деятельности.

Профиздат предпринял выпуск небольших книг, посвященных интереснейшим людям нашего времени — Героям Социалистического Труда. Отличное и важное начинание. Но в первых книгах серии мы не находим самого главного: образа человека нашего времени.

Только Л. Могилевскому в книге о геологе Андрее Трофимуке удалось показать если не своеобразие человека, то все же облик деятеля и его дело. Мы видим подлинно партийное, вдохновенное отношение А. Трофимука к труду, его умение итти к цели, смело врубаясь в препятствия и снося их с пути.

В облике А. Трофимука, искавшего нефть в районе «второго Баку», соединяются инженер-практик, ученый и большевик. Соединение это стало типическим для нашей страны, и Л. Могилевский показал, что победа его героя — это победа в равной мере инженера, ученого, большевика.

Совсем по-иному написал Я. Рыкачев о покойном академике А. Байкове. Книга похожа на расширенную статью для энциклопедического словаря. Информация о фактах биографии, о содержании научных работ и организационной деятельности академика помогает нам понять, почему имя Байкова пользуется известностью и уважением. Но как Байков стал Героем Социалистического Труда, как в его личности и работе проявлялись черты русского, советского ученого—показано недостаточно и маловыразительно.

«После Октябрьской революции он начал как бы вторую жизнь, на небывалом под'еме всех своих дарований. Каждое его творческое начинание черпало теперь силу из неиссякаемого источника общенародного творческого вдохновения, направленного на создание нового социалистического строя».

Оставим на совести автора такие сомнительные с точки зрения стиля, грамматики и логики выражения, как «жизнь на под'еме дарований» и «начинание черпало силу». Самые определения настолько риторичны, что ничего не говорят о человеке. Как только автор переходит от изложения научных трудов Байкова к его личности, он теряет всякое красноречие.

В этой книге почти не чувствуется, что автор ее — писатель. Изложению предпослана вступительная глава, с некоторой живостью описывающая защиту Байковым диссертации. Здесь мы узнаем, что молодые студенты испытали разочарование, услышав из уст диссертанта название его труда — «длинное, деловое и очень специальное». Но кто же приходит на защиту диссертации, не зная ее темы, и кто же пишет диссертации не специальные и не деловые?

В годы первой пятилетки, когда только нащупывался путь советского очерка, кто-то решил, что писать биографии людей, соблюдая хронологическую последовательность, — начиная с детства, — слишком стандартно. И очень скоро выработался другой стандарт: дать вырванный из середины книги эпизод вначале, а после него уже писать все подряд. В книге Я. Рыкачева после главки о защите диссертации идет рассказ о детстве Байкова и потом, уже в своем месте, снова появляется та же защита.

В книге К. Левина, посвященной машинисту И. Панину, после вступительной главы, рисующей работу героя во время войны, идет рассказ о его детстве.

Стандарт снова в ходу. И он проявляется не только в композиции книги. Если в книге Я. Рыкачева читатель найдет хотя бы информацию о содержании научной работы Байкова, то из книги о Панине он не узнает ровно ничего.

Автор декларирует общие побуждения, заставляющие советского человека вкладывать в труд все творческие силы, и этой декларацией подменяет конкретное раскрытие труда Панина.

Панин «сидел, думал, чертил, писал, старался ничего не упустить... И после упорного раздумья Панин нашел стержень своей мысли»... Стержень заключается в том, что нужно предупреждать ремонт паровоза, возможные неполадки в пути и, отправляясь в пробег, тщательно проверять машину.

Но ведь это же не результат размышлений, а исходная их точка! Всякий машинист знает, что надо избегать неполадок. Все дело в том, как добился Панин результатов, которые ввели его в семью Героев Социалистического Труда.

Автор сообщает, что особенно трудным был первый месяц работы, но мы не видим этой трудности. Читатель узнает, что теория обогатила Панина и ему было легче, чем прежде, но мы не видим, чем его обогатила теория, что было трудным и стало легким. «Сильно вырос Иван Федорович за эти годы, и те, кто встречались с ним и знали его работу, видели, что это культурный человек, самобытный и талантливый».

Несомненно так. Но ни культурности, ни самобытности, ни таланта своего героя К. Левин не раскрыл, так же, как не раскрыл творческого содержания его работы.

Та же беда случилась и с Г. Шолоховым-Синявским, написавшим о директоре совхоза Ф. А. Бойко. Его книгу закрываешь, так и не познакомившись с интереснейшим человеком, имя которого упоминается на каждой странице, так и не поняв, почему Бойко стал Героем Социалистического Труда. Вместо облика героя в книге, похожей на непомерно растянутую газетную корреспонденцию, содержится лишь перечисление успешно выполненных совхозом заданий.

Мы раскрыли три названные книги в надежде, что сумеем увидеть облик трех выдающихся советских деятелей, понять подвиг их жизни, уяснить их высокий труд. Но вместо героического пути мы увидели укатанную дорогу, по которой довольно благополучно и спокойно, без высокой борьбы и без страсти, провели авторы своих героев.

Никогда писатели не ощущали себя в такой степени участниками общенародного дела, как в годы Отечественной войны и новой пятилетки. Прежде, говоря о героях пятилеток, о первых стахановцах, писатели часто наблюдали жизнь еще извне, как бы со стороны.

Призыв Горького к советским писателям—сделать людей труда героями книг—был осуществлен в нашей литературе недостаточно, потому что писателям зачастую нехватало подлинно глубокого понимания того, как социалистический труд организует советского человека.

Организующая роль труда с особенной ясностью раскрылась в годы войны: труд для фронта был таким упорным, блистательным и победным потому, что людей наших подготовили к нему четверть века социалистического мирного труда.

В книге М. Шагинян «По дорогам пятилетки», также выпущенной Профиздатом, есть три лаконичных портрета советских академиков, среди них и портрет А. Байкова.

Весь очерк занимает четырнадцать страниц. Но насколько эта зарисовка М. Шагинян богаче и об'емнее, чем книга Я. Рыкачева! В ней есть острота наблюдения и обобщающая мысль писателя. М. Шагинян увидела своего героя глазами товарища по общей работе и глазами художника. Очерк М. Шагинян философичен. В нем есть то же понимание человека, который растет в труде, что и в очерках Б. Галина, — понимание современное, которого так нехватает очеркам Я. Рыкачева, К. Левина и Г. Шолохова-Синявского.

Назначение книг, посвященных Героям Социалистического Труда, — воспитывать читателя образом и примером его выдающихся современников. Первые книги профиздатовской серии этого назначения еще не выполняют. Вместо создания образа авторы дали фотографии, снятые к тому же не в фокусе.

Серия «Герои Социалистического Труда». Профиздат, 1946—47 гг. К. Левин — «Машинист Иван Панин», 56 стр., Л. Могилевский—«Андрей Алексеевич Трофимук», 56 стр., Я. Рыкачев — «Русский ученый-металлург», 68 стр., Г. Шолохов-Синявский — «Директор совхоза», 42 стр.

АНОНИМНЫЕ СТАТЬИ В. Г. БЕЛИНСКОГО

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.) Исследователь творчества В. Г. Белинского профессор В. Спиридонов установил, что четыре анонимные статьи-рецензии, напечатанные в «Литературной газете» и «Отечественных записках» в 30—40-х годах прошлого века, принадлежат перу великого русского критика.

Особый интерес представляет статья Белинского «Об учебной книге русской словесности Н. И. Греча». В статье — характерные для Белинского критические высказывания о Полевом и Булгарине.

Статьи и рецензии будут опубликованы в томе «Литературного наследства», выпускаемом к 100-летию со дня смерти В. Г. Белинского.

СОКРОВИЩНИЦА РУССКОГО ИСКУССТВА

9 фугасных бомб, 38 снарядов и до сотни зажигательных бомб сбросили фашистские варвары в период блокады Ленинграда на великолепное здание Государственного Русского музея, отмечающего 19 марта 50-летие со дня основания.

Творение великого русского зодчего Росси — бывшему Михайловскому дворцу грозила гибель, предотвращенная героизмом советских людей. Здание пострадало лишь частично и сейчас полностью восстановлено.

Бесценные сокровища русского искусства, хранившиеся в музее, от обстрелов не пострадали. Часть из них была заблаговременно эвакуирована, часть нашла убежище в глубоких подвалах музея.

Поразителен рост музея в советский период. За двадцать лет, прожитых музеем до революции, он приобрел 1344 произведения живописи. Количество же картин, поступивших за последнее тридцатилетие, приближается к пяти тысячам. Еще внушительнее цифра, относящаяся к собранию графики. За время советской власти это собрание возросло в 16 раз. 200 произведений скульптуры было в музее в 1918 году. Теперь он владеет десятью тысячами скульптурных изображений.

Многие из 250 тысяч экспонатов Русского музея представляют творчество советских художников и скульпторов. Работники музея готовят постоянную экспозицию советского искусства. Она будет открыта в этом году.

НА СНИМКЕ: Здание Государственного Русского музея в Ленинграде.

Волшебные краски

Представьте себе Москву, разукрашенную волшебными красками. Стройные колонны Большого театра мерцают золотым сиянием на фоне сверкающих стен, излучающих в темноту желтые, зеленые, синие, яркокрасные огни. Словно покрытый каменьями-самоцветами, горит в ночи фасад гостиницы «Москва».

С улицы, шумной и ослепительно красочной, вы попадаете в свою комнату, похожую на сказочный ларец, осыпанный алмазами, изумрудами, сапфирами. На стенах как бы распластались крылья волшебной жар-птицы.

И все это не мечты далекого будущего. Светящаяся живопись — новое живописно-декоративное искусство, рожденное в наши дни, может уже теперь создать эту радостную симфонию красок.

Достижения советских ученых в области изучения явлений «холодного света», флуоресцирующих и фосфоресцирующих веществ позволили осуществить то, что еще недавно казалось несбыточным. Научные работы в этой области академика С. И. Вавилова и его школы всемирно известны. От «светящейся гнилушки» до ламп дневного света и светящихся красок — таков путь этого изумительного открытия нашего времени.

Но светящиеся составы — лишь техническая предпосылка к созданию люминесцентной живописи. Ни в Америке, ни в Западной Европе нет и речи о светящейся живописи. Дальше светящихся в темноте дверных ручек, кнопок звонков, крикливых реклам и цирковых аттракционов там не пошли.

История появления у нас светящейся живописи весьма характерна. Еще в 1939 году художник Е. М. Мандельберг, заинтересовавшись замечательным открытием науки, поставил перед собой цель «подчинить» это открытие интересам изобразительного искусства. Опыты со светящимися красками оказались удачными. В 1944 году на экспериментальные работы были отпущены большие средства, и под руководством Е. М. Мандельберга стали работать инженеры-светотехники и химики.

Так возникла в затемненной тогда Москве первая и единственная в мире Экспериментальная исследовательская лаборатория люминесцентной декоративной живописи.

Волшебные краски светятся при любой погоде, при любой температуре, в темноте и при ярком свете. Днем красочное сияние мягче и напоминает радугу, освещенную солнцем. В темноте сияние интенсивнее, краски ярче и глубже. Слово «сияние» наиболее точно передает ощущение от светящейся живописи.

Работы Е. М. Мандельберга и его ближайших сотрудников — художников Б. М. Баранова, Б. Г. Симонова, инженеров Е. С. Плохоцкого и Е. М. Чистяковой — имеют немаловажное значение. Светящиеся краски — это новое замечательное оружие, которое войдет в арсенал изобразительных средств живописно-декоративного, театрального и прикладного искусства.

Одним из первых опытов лаборатории по использованию новых красок в театре были светящиеся декорации для спектакля «Лесная песня» Леси Украинки в театре им. Ленинского комсомола. Работа над этим спектаклем еще не закончена. В 1947 году на сцене Рижского театра оперы и балета в светящихся декорациях удачно осуществлен сказочный акт из балета «Лайма». Сейчас в Рижском детском театре репетируются «Двенадцать месяцев» С. Маршака. Спектакль пойдет в светящихся декорациях, выполненных по эскизам и под руководством Е. М. Мандельберга. Заканчиваются люминесцентные макеты к опере «Лейла и Меджнун», которая будет поставлена в дни празднования юбилея Алишера Навои в новом Узбекском оперном театре.

В лаборатории Мандельберга побывали многие известные ученые, архитекторы, художники, писатели, артисты. Посещают ее и военные, рабочие, студенты художественных вузов. Все без исключения говорят об огромном впечатлении от светящейся живописи. И несмотря на это, выдающееся советское достижение до сих пор не используется ни для оформления всенародных праздников, ни для украшения общественных учреждений, не учитывается в архитектурных проектах, не применяется широко в театрах.

Светящаяся живопись — крупное достижение, завоеванное в содружестве советской науки и искусства. В интересах советского искусства ее надо быстро и широко использовать.

А. ДУБРОВСКИЙ

Встреча писателей с композиторами

Встречи с композиторами — не редкость для нашей литературной среды. Но совещание писателей и композиторов, состоявшееся на-днях в Союзе советских писателей, отличалось от предыдущих особенной страстностью и остротой критики. Это понятно: мы встретились с композиторами впервые после постановления ЦК ВКП(б) об опере В. Мурадели «Великая дружба».

— Советская литература располагает значительным количеством произведений, которые по своим идейно-художественным качествам могут стать основой замечательных опер, — заявил генеральный секретарь Союза советских композиторов Т. Хренников. — Без творческого содружества с писателями мы не сможем создать опер, продолжающих славные традиции русской оперной классики.

Эту мысль поддержали и другие участники прений. Беда, однако, в том, что до сих пор литературные произведения зачастую ремесленно «приспособлялись» под оперную структуру. Печальным результатом формального, нетворческого подхода к литературной первооснове оперного произведения является «Семья Тараса» композитора Д. Кабалевского по повести Б. Горбатова «Непокоренные» (либретто С. Ценина). По этой же причине неудачными оказались и попытки нескольких композиторов создать оперу по роману А. Фадеева «Молодая гвардия».

Нельзя далее терпеть, чтобы либретто опер делались холодными руками псевдоспециалистов. Об этом убедительно говорили Н. Волков, А. Коваленков, Н. Горяинов.

Во многих выступлениях сквозила небезосновательная тревога за состояние советской оперетты.

— Литераторы, работающие в жанрах музыкального театра, еще не привыкли к творческим дискуссиям и нелицеприятной критике, — отметил А. Софронов, заключая прения. — Это и привело к тому, что в этих жанрах особенно процветает безидейность, литературная серятина.

Совещание выдвинуло перед писателями и композиторами ряд больших задач. Композиторы ждут активного вторжения литераторов в музыкальное искусство. Это поможет быстрее и решительнее покончить с антинародными формалистическими тенденциями в музыке.

Ц. СОЛОДАРЬ

А. БАЛАКИН

«Похороны кукушки»

В 1945 году президиум Академии наук поручил Институту этнографии «сосредоточить и углубить собирание и исследование фольклора Великой Отечественной войны». С помощью Главного политического управления Советской Армии за военные годы был собран огромный фольклорный материал.

Но до сих пор ни одного исследования, ни одного сборника, посвященного народному творчеству в Отечественную войну, фольклорный сектор института не выпустил.

В декабре прошлого года институт организовал Всесоюзное совещание фольклористов. Представители республик, краев и областей не услышали ни доклада о решениях партии по вопросам искусства, ни сообщения об итогах философской дискуссии. Указания партии не нашли своего отражения и в докладах проф. П. Богатырева «О задачах совещания» и В. Крупянской «Основные вопросы изучения фольклора Великой Отечественной войны». В. Крупянская считает, что главной задачей в исследовании всего богатства творчества народа-победителя является «исследование фольклора... в свете традиций». Чтобы представить, что это практически означает, достаточно обратиться к темам исследований научных сотрудников института. Обрядовый фольклор — для них важнейшая и чуть ли не единственная проблема наших дней.

Проф. Богатырев (руководитель сектора) работает над темой «Заговорные формулы», доц. В. Чичеров (ученый секретарь института) — «Календарная поэзия зимних обрядов», доц. Э. Гофман-Померанцева — «Свадебный обряд», аспирантка И. Гроздова — «Весенне-летняя обрядовая поэзия у западных славян». Защитили кандидатские диссертации: В. Крупянская на тему «Обрядовые истоки народной драмы «Лодка», Л. Старцева «Похоронные причитания Олонецкой губернии». Над «актуальнейшей проблемой» работает научный сотрудник института Б. Гершкович: «Обряд «похороны кукушки» и сродные с ним». Все указанные работы готовятся к печати и войдут в большой сборник «Восточные славяне».

Что узнает читатель из этого сборника о борьбе восточных славян за новую жизнь, об изменившихся социальных отношениях, о новых людях и новой культуре — сказать трудно. Но зато «магия действия» (заговоры, колядки, «похороны кукушки» и проч.) будет представлена здесь во всех видах.

Обратимся к статьям и рецензиям органа института — журнала «Советская этнография» за 1946—1947 гг. В нем печатаются, главным образом, статьи и рецензии членов фольклорной секции. В нем говорится, что «в сентябре 1944 г. проведена этнографическая экспедиция в Можайский и Звенигородский районы. Экспедиция работала двумя отрядами под руководством докторанта института В. И. Чичерова и старшего научного сотрудника Н. Н. Чебоксарова».

Может быть, по свежим, горячим следам войны два отряда фольклористов собирали народные песни, сказы о наших героях? Нет, не этим занимались фольклористы: «Собран интересный фольклорный и этнографический материал по пережиткам календарной обрядности и по свадебным обрядам» (№ 1, 1946 г., стр. 232).

В журнале «Советская этнография» (№ 1, 1947 г.) напечатаны два реферата: Н. Гринковой — «Обряд «вождение русалки» в селе Б. Верейка, Воронежской области» и Т. Крюковой «Вождение русалки» в селе Оськине, Воронежской области». «Вождение русалки», — поясняет Н. Гринкова, — это те же самые «похороны кукушки». В жизни колхозной деревни этих обрядов уже давно нет, и «магических» песен, сопровождающих их, уже никто не поет. Статьи написаны по материалам экспедиции 1936 года. Авторы признаются, что уже тогда «лишь схематично была воспроизведена инсценировка обряда», и все же они говорят об этих обрядах и песнях, как о живом явлении наших дней.

Как «находка редчайшего образца», восходящая «к нерушимой традиции» русской обрядовой поэзии, характеризуется «Кострома»—хороводный спектакль Брянской области о похоронах «Костромы», записанный Л. Кулаковским от одной старушки. Автор жалуется на «некоторый скепсис учителей и молодежи, которые считают похороны «Костромы» делом некультурным и отжившим». Да, брянская молодежь и учителя, безусловно, лучше знают, чем живет и что поет колхозная деревня!

Мы совсем не сторонники того, чтобы исключить исследование обрядового фольклора. Но нельзя же к этому сводить всю работу большого коллектива научных сотрудников. Не «хоронят кукушку» воронежские и брянские колхозники, не обращаются они к нечистой силе за помощью об урожае, когда на их полях работают тракторы и комбайны.

Еще большее недоумение вызывают рецензии на книги буржуазных ученых. К. Гагкаев расхваливает книгу Арнольда ван Женнепа «Фольклор Оверни и Валей» (Париж, 1942 г.). «Настоящий труд известного французского фольклориста, — восторгается К. Гагкаев, — единственный в своем роде во всей западноевропейской фольклорной литературе новейшего времени» («Советская этнография», № 3, 1947 г.). Книга Женнепа привлекла внимание Гагкаева «магией действа». Автора умиляют народные представления французов о болезни от взглядов кукушки. «кого весной кукушка увидит первым». Очарованный «магией» французской кукушки, Гагкаев не смог произнести ни одного критического возражения против главы французской так называемой «биологической» школы, который отрицает творческую способность народа.

Нельзя пройти мимо статьи И. Прокопович об исследованиях болгарского этнографа-фольклориста Хр. Вакарелского. Известно, что Хр. Вакарелский, стоявший в стороне от демократического движения Болгарии, целиком связан с буржуазной традицией. Это не мешает И. Прокопович расхваливать его книгу «Место и роль свадебной песни в свадебном обряде», вышедшую в 1937 году. Прокопович положительно отнеслась и к «Наставлению по сбору этнографического материала» (София, 1945 г.), в котором автор «особое внимание обращает на изучение народной магии..., на тщательное изучение границ владений, характера и причин вражды между селами» («Советская этнография», № 3, 1946 г.).

Не «магией», не «враждой между селами» занят сейчас трудолюбивый болгарский народ, а строительством новой жизни на демократических началах, укреплением братства и единства с другими славянскими народами и внутри своей страны. Вот о чем надо было говорить, разбирая «Наставление» Хр. Вакарелского.

Безидейностью и аполитичностью отмечены статьи теоретического характера по фольклору. Вся методологическая концепция их сводится к доказательству «истинности» положения А. Н. Веселовского: «новые комбинации совершаются внутри положенных границ из обветрившегося материала». Отрицание нового качественного развития фольклора за годы советской власти характерно для работ В. Чичерова, В. Проппа, В. Крупянской и др. «Сопоставление произведений устной поэзии,— пишет В. Чичеров,—обнаруживает устойчивость сюжетных схем, общность отдельных мотивов, встречающееся совпадение строк и устойчивых словесных формул» («Советская этнография», № 2). Не образ, как носитель идейного смысла в народном творчестве, интересует В. Чичерова, а «устойчивые» сюжетные схемы, общие мотивы, словесные формулы, которые якобы традиционны и неизменны. Поэтому и получается, что образ красноармейца, погибающего за Родину, из песни времен гражданской войны уподобляется разбойнику Чуркину в «Песне о Чуркине».

Все богатство творчества советских воинов периода Отечественной войны В. Крупянская свела к следующему: «Героические песни, созданные на фронте,... продолжают традицию старой песни. В этих переработках популярных песенных текстов и выражалось массовое красноармейское творчество» («Краткие сообщения», 1946 г.).

Вопрос о традиции и новаторстве в фольклоре трактуется в ряде статей явно механистически. Советский фольклор рассматривается как непосредственное продолжение традиций старины. Этот антиисторический подход приводит к вредной идеализации всего прошлого, к полной недооценке принципиально нового содержания в фольклоре, обусловленного советской действительностью.

В заключение несколько слов о нравах, существующих в фольклорном секторе Института этнографии. На заседаниях там господствует принцип, выраженный в известной басне: «Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку». «Работы В. И. Чичерова отличаются своей новизной, глубиной исследования, обилием оригинальных мыслей. У него есть чему поучиться молодым аспирантам», — говорит В. Крупянская.

«Статья В. Ю. Крупянской о фольклоре Отечественной войны — серьезный вклад в фольклористику», — утверждает В. Чичеров.

«Институт этнографии — единственное место, где бьется пульс научной жизни, где ведется теоретическая работа»,—славословит аспирант Л. Пушкарев.

Недавнее решение ЦК ВКП(б) о музыке, где имеется прямое указание о лучших традициях народного музыкального творчества, относится и к фольклористам. Это постановление еще «не дошло» до фольклорного сектора. Вот тематика заседаний, намеченная на ближайшее время:

«Заговорные формулы» (проф. П. Богатырев), «Русские колядки» (доц. В. Чичеров), «Народные песни по рукописным источникам XVIII века» (научн. сотр. Б. Гершкович) и т. д.

Фольклористы Института этнографии отстали от нашей действительности. Вся их работа должна быть решительно перестроена.

Мих. МАТУСОВСКИЙ

ПОЭТИКА И АРИФМЕТИКА

...А мы-то думали, что для глубокого и всестороннего изучения художественной литературы необходимы литературоведение, языкознание, критика. Ничего похожего! Оказывается, все значительно проще: берется, например, стихотворение Пушкина «Я помню чудное мгновенье» и подвергается самой тщательной арифметической обработке. После всех подсчетов, даже без применения высшей математики, вы узнаете, что в этом шедевре русской лирики имеется: союзов «и» — десять, личных местоимений «я» и «ты» — четыре. Знаки препинания в нем распределяются так: запятых — 18, точек — 8 и двоеточий — 1. Прилагательных в этом стихотворении — тринадцать, а глаголов — двенадцать. И вот перед вами нет уже никакого «чудного мгновенья», а есть сплошная мешанина из грамматики и синтаксиса плюс четыре действия арифметики.

Таким приблизительно методом и пользуется В. Кудрявцев в своей статье «Язык иркутских поэтов», напечатанной в одном из номеров альманаха «Новая Сибирь». Вот, например, что пишет Кудрявцев о стихах иркутского поэта К. Седых: «Анализ синтаксического строя его стихов показывает, что в них господствует простое и сложно-сочиненное предложение. Так, например, в сборнике «Первая любовь» 40% простых предложений». Это, конечно, очень большое достижение для поэта Седых, так как, по мнению автора: «простые и сложно-сочиненные предложения как нельзя лучше подходят к описаниям природы и переживаний человека». Боже упаси вас пользоваться в таких случаях какими-нибудь другими неподходящими синтаксическими формами! Трудно даже представить себе, до какой чепухи договаривается автор научного трактата о поэзии, составленного при помощи конторских счетов, арифмометра и десяти пальцев. «Вполне понятно, что особенность литературной речи периода Отечественной войны сказалась на языке А. Ольхона. В его стихах этого времени заметно увеличение славянизмов и древнерусских слов: родина, отчизна, отечество, слава, мужество... и т. д.». Чего здесь больше — школьного начетничества, одичалого формализма или простой, — скажем так: несообразительности? «В стихах военного периода, — пишет В. Кудрявцев,—количество иностранных слов заметно увеличивается. Причем Ольхон употребляет их без особого критического отбора». За употребление каких же слов корит поэта строгий языковед? Вот они: «канонада, лагерь, штаб, колонны, эшелоны, диверсант, кретины, сигналы, светофоры, бутерброд, форшмак, штемпель и т. п.»

Далее Кудрявцев с ученым видом изрекает: «Вероломное нападение гитлеровской Германии на СССР вызвало глубочайшее негодование у всех советских людей. В связи с этим в русском языке усилилась лексика, выражающая чувство возмущения, гнева, ненависти и презрения к немецко-фашистским захватчикам... В годы войны эпитет «суровый» стал самым употребительным у поэтов Восточной Сибири... Особенно часто употребляется этот эпитет в сборнике стихов поэтов Забайкальского фронта». К сожалению, литературовед не дает в дальнейшем картины распространения эпитета «суровый» среди поэтов других фронтов, а, быть может, и других частей и соединений.

Но, конечно, вершиной всего анализа, которому подвергаются иркутские поэты, являются заключительные выкладки В. Кудрявцева: «В сборнике стихов «Полевая почта» (Ивана Молчанова-Сибирского. — М. М.) из тысячи существительных шестьсот с абстрактным значением и только четыреста с конкретным». Какая абсолютная точность, дающая нам возможность наиболее полно понять и уяснить все идейные и художественные стороны поэзии Ивана Молчанова-Сибирского!

Не менее интересные и глубокие вещи узнаем мы о творчестве К. Седых. Из бухгалтерских занятий Кудрявцева следует такой вывод: «В произведениях Пушкина, таких живых и ярких, частота употребления глагола доходит до 30%... В некоторых баснях Крылова частота употребления глагола составляет 30—40%, и эта глагольность вносит в язык басни живость, выразительность и динамичность». А как же поэт Седых? Интересно, каковы у него показатели выполнения глагольных норм? Оказывается, у него с глаголом все обстоит благополучно. «В стихах Седых глагол тоже играет значительную роль. Частота его употребления колеблется от 20 до 25%». Ну, что же, вполне приличные цифры. Выходит, что Седых не дотянул до Пушкина только каких-то 5—10%. Это уже не так плохо.

А если говорить серьезно: кому нужны все эти бредовые подсчеты? Авторам разбираемых произведений или читателям, о которых тоже не следует иногда забывать? По-моему — ни тем, ни другим!

P. S. Я очень хотел бы, чтобы В. Кудрявцев, если он прочтет эту заметку, после подсчета нашел в ней десять простых предложений с восклицательным знаком в конце, выражающим возмущение человека, прочитавшего статью о языке иркутских поэтов, и одно сложно-распространенное предложение с тремя вопросительными знаками в конце, выражающими искреннее удивление по поводу опубликования этой статьи в альманахе «Новая Сибирь».

«КРАСНАЯ ПРЕСНЯ»

К открывающейся на-днях XXI конференции районной партийной организации Красной Пресни издательством «Советский писатель» выпущена книга «Красная Пресня», составленная Е. Симоновым.

В книге пять глав. Первая из них повествует о преобразовании некогда глухой окраины Москвы в передовой район столицы.

Истории заселения Пресни и великим москвичам, жившим и бывавшим в этом районе, — А. В. Суворову, А. С. Пушкину, А. С. Грибоедову, П. И. Чайковскому, А. П. Чехову — посвящена глава «Страницы далекого прошлого». Стихи Е. А. Баратынского, строки А. С. Грибоедова и Л. Н. Толстого рассказывают нам об этих местах. А. С. Пушкин описывает пейзаж Средней Пресни, где он бывал у сестер Екатерины и Елизаветы Ушаковых:

...И строк небрежных начертанье
Вношу смиренно в ваш альбом.
Авось на память поневоле
Придет вам тот, кто вас певал
В те дни, как Пресненское поле
Еще забор не заграждал.

О героической борьбе пресненских большевиков на баррикадах 1905 года и боях за власть Советов рассказывает глава «Декабрь 1905 — Октябрь 1917». Глава «Великое тридцатилетие» повествует о тех достижениях, которые прославили далеко за пределами города и за рубежами нашей страны передовых стахановцев, промышленные предприятия и культурные учреждения района.

Заключительная глава книги посвящена Красной Пресне в послевоенной пятилетке.

Хитоси Асида, его коллеги и патроны

М. МАРКОВ

Девятого марта на токийской бирже царило небывалое оживление. В течение полудня акции прядильной, шелковой и тяжелой промышленности повысились на 30 и более иен. Об'яснялся этот бум довольно просто: покровитель японских биржевиков — генерал Макартур милостиво согласился выставить свою кандидатуру на пост президента США. Как тут не возликовать всем представителям «дзайбацу», «момбацу», «гумбацу» и «камбацу» (монополистов, земельной аристократии, милитаристов и бюрократов)! Ибо если нынешний «сёгун» — верховный правитель — Японии уже сейчас так много сделал для возрождения и укрепления японской реакции, то легко представить, чего она может ждать от него, когда он войдет в Белый дом.

Предвкушая подобную перспективу, японские дельцы заранее стараются раз'яснить магнатам Уолл-стрит, что помещать американские доллары выгоднее в Японии, чем в Греции и Турции. Макартуру этого об'яснять не приходится. Не случайно ни один подлинный представитель народных масс не был допущен генералом Макартуром в состав правительства, хотя в Японии со времени капитуляции создается уже пятый кабинет.

Японские кабинеты попрежнему свергаются и создаются закулисными деятелями, политическими агентами «дзайбацу» под прямым присмотром и контролем американских гаулейтеров.

В правительственных органах работают три с половиной тысячи представителей крупных торгово-промышленных фирм, которые официально именуются «спокутаку» («внештатными»). Они имеют в некоторых случаях даже большее влияние, чем министры, на службе у которых они номинально состоят. «Некоторые из этих лиц, — пишет корреспондент американского агентства «Интернэйшнел ньюс сервис» Хэндлмэн, — фактически были боссами в отношении министров кабинета».

Многочисленные министерские перетасовки, смена ярлыков, кампании за создание новых партий, вся суетливая возня японских политиканов преследует одну цель — помешать подлинно демократическому переустройству социального, экономического и политического уклада страны.

Вот почему совсем недавно социал-предатель Тэцу Катаяма уступил свое место премьер-министра одному из лидеров «демократической» партии Хитоси Асида, ибо рост народного возмущения политикой правительства Катаяма создал угрозу интересам японских монополистов.

Катаяма в Японии, как и Рамадье во Франции, действовал непосредственно по американской указке. Тайные расчеты Макартура выболтал токийский корреспондент «Нью-Йорк таймс» Пэррот: «Массы японского народа все более и более недовольны существующим режимом. Замена кабинета Катаяма кабинетом Асида может задержать тот день, когда это недовольство выльется наружу».

Однако состав нового кабинета Асида и его программа не оставляют никаких сомнений о его будущей политике, которая в состоянии лишь усилить возмущение народа. Асида — ставленник японских монополий, теснейшим образом связанных с американским капиталом, крупных подрядчиков, разбогатевших на поставках оккупационным войскам, спекулянтов и прочих «нуворишей». Представляемую им «демократическую» партию финансируют крупный подрядчик Сугавара, глава электрокомпании «Сиова» Хинохара, экспортер Иваи, а через банкира Такео Курусу (занявшего в новом кабинете пост председателя Совета экономической стабилизации) Асида получает субсидии от финансовых кругов.

Нынешний премьер Асида, благосклонно и без промедлений утвержденный на этом посту Макартуром, давно известен, как самый верный и преданный слуга японских империалистов. Разбойничий захват японцами Маньчжурии вдохновил в свое время Асида, профессионального дипломата, на литературное творчество в духе Геббельса. Из материалов, лежащих сейчас без движения в токийской прокуратуре, явствует, что в бытность редактором газеты «Джапан таймс», органа японского министерства иностранных дел, Асида издал 84 специальных выпуска, усердно рекламировавших «антикоминтерновский пакт», дружбу с гитлеровской Германией и фашистской Италией, а также японский «новый порядок» в Маньчжурии. Когда японские разбойники напали на Китай, не кто иной, как Асида, возглавлял миссию «доброй воли» в США, откуда Япония получала основную массу военных материалов. Успешно справившись с этой миссией, Асида направляется в Бухарест раздобывать горючее для императорской армии.

Как человек, чья преданность японской реакции находится вне всяких сомнений, он был рекомендован в 1942 году правительством Тодзио в состав парламента, составленного сплошь из «отборных» махровых реакционеров, и назначен советником Информационного бюро — главного рупора японской фашистской пропаганды. Верность генералу Тодзио Асида продемонстрировал тем, что вступил в фашистскую «Ассоциацию помощи трону».

Неудивительно, что и после войны Асида под покровительством Макартура пытается продолжать прежнюю деятельность. Американские оккупационные власти предоставляют ему полную свободу действий.

Чистка не коснулась Асида. В кабинете Сидехара ему был предоставлен портфель министра здравоохранения (это министерство ведало всеми вопросами, связанными с трудом). Жестоко подавляя рабочие забастовки, Асида произносил елейные речи о необходимости «согласия между трудом и капиталом».

31 мая 1947 года Асида был назначен министром иностранных дел и начальником бюро связи между японским правительством и оккупационными властями. Японское министерство иностранных дел — это настоящее фашистское гнездо. После капитуляции Японии оно осталось совершенно нетронутым и получило в лице Асида достойного руководителя. «Представители японского МИД'а, — писала английская газета «Ньюс кроникл», — нащупывают слабые места в броне единого фронта союзников. Япония, — указывают они, — может явиться мощным союзником против коммунизма и удобным трамплином для союзников».

Штаб Макартура подогревает эти надежды японских милитаристов. Он не только допускает, но и прямо инспирирует антисоветские выпады последышей Араки и Тодзио. Чувствуя за собой твердую поддержку Макартура, Асида осмелился с неслыханной наглостью заявить: «Япония приняла Потсдамскую декларацию, но она не являлась одной из сторон, подписавших Ялтинское соглашение». На этом «основании» Асида счел возможным требовать «возвращения Японии Курильских островов»! Казалось бы, уже одно такое заявление с головой выдает Асида, как оголтелого милитариста, который должен быть решительно отстранен от всякой политической деятельности. Но на деле Асида получил повышение — в нынешнем правительстве он уже не только министр иностранных дел, но и премьер. Само собой разумеется, что он остался и на посту главного «связного» при американском штабе. Этот махровый милитарист представляется генералу Макартуру наиболее подходящим лицом на пост премьер-министра. Такой не станет противиться превращению Японии в «американский авианосец».

Министры, вошедшие в состав кабинета Асида, — грязные дельцы с фашистским прошлым. Достаточно назвать заместителя премьера правого социалиста Суехиро Нисио. Вместе с другим лидером правых социалистов, военным преступником, ростовщиком Комакици Мацуока (он же председатель нижней палаты парламента) Нисио не раз получал от японских дельцов крупные взятки по 200.000 иен и больше за срыв рабочих забастовок. Нисио также был рекомендован за свои заслуги перед фашистской военщиной в парламент в 1942 году и активно участвовал в деятельности «Ассоциации содействия трону через промышленность». Во время войны Нисио вел шовинистическую пропаганду и восхвалял японскую империалистическую экспансию.

Другой министр — «социалист» Циосабуро Мидзутани стяжал себе «славу» вымогательством денег у подчиненных. Чиновники возглавлявшегося им министерства торговли и промышленности никогда не брезговали «материальными выражениями благодарности» со стороны спекулянтов, которым они помогали обходить законы. Чудовищные цены, существующие ныне на японском черном рынке, до известной степени об'ясняются дополнительными расходами на взятки правительственным чиновникам. По официальным, явно преуменьшенным данным, только за период с сентября 1945 года по декабрь 1946 года 11.669 японских правительственных чиновников были преданы суду за взятки, воровство, шантаж.

С правыми социалистами Асида связывает тесная дружба. По его собственному выражению, «демократы никогда не пойдут на отмену соглашения с социалистами, по которому последние обязались не проводить социалистической политики». Без колебаний они подписали соглашение по политическим, экономическим и социальным вопросам, являющееся программой правительства Асида. Первый пункт соглашения гласит: «Будут предприняты усилия к привлечению иностранного капитала». Кого после этого могут обмануть все столь же торжественные, сколь и лживые заверения новой коалиции о том, что она будет стремиться к «достижению независимости национальной экономики»? Не к независимости, а к еще большему превращению Японии во «вспомогательный концерн США» ведут планы японских реакционеров.

Японскому народу новое правительство не принесет ничего, кроме усиления голода, инфляции, безработицы и полицейского террора. Очевидное предательство правых социалистов еще больше разоблачит их в глазах народных масс. Это ускорит создание широкого и прочного национального фронта, который поведет борьбу за подлинно демократическое народное правительство в Японии.

Факты без комментариев

ЧЕМ ОНИ ВОЗМУЩАЮТСЯ

Лондонский «Таймс», описывая положение в освобожденных районах Китая, возмущается тем, что там любая девушка «может выйти замуж за того, кто ей нравится».

КУЛЬТУРТРЕГЕРЫ УПРАЖНЯЮТСЯ

По сообщению газеты «Трибуна популар», в Рио-де-Жанейро (Бразилия) организован клуб для насаждения американской культуры и совершенствования в английском языке. Вот темы докладов, сделанных на одном из первых собраний клуба: 1) «Почему я не считаюсь с некоторыми правилами приличия»; 2) «Как заставить мужчину влюбиться»; 3) «Лучшие оправдания перед женой, когда приходишь поздно домой».

За творческую научную критику

Итоги обсуждения книги проф. Б. Кедрова «Энгельс и естествознание»

Недавно в Институте философии Академии наук СССР происходило обсуждение книги проф. Б. Кедрова «Энгельс и естествознание», в котором участвовало более 200 научных работников — философов, физиков, химиков, биологов. Обсуждение прошло на серьезном научно-теоретическом уровне. Книга подверглась острой и принципиальной творческой критике. В ряде выступлений были рассмотрены не только проблемы, нашедшие свое освещение в книге, но и поставлены новые вопросы, выдвигаемые естественными науками и требующие теоретического обобщения.

Почти все выступавшие приветствовали самый факт появления в нашей философской литературе книги, посвященной вопросам теоретического естествознания. Однако многие положения работы проф. Кедрова вызвали ряд серьезных возражений.

Резко отрицательную оценку книги дал проф. А. Максимов. Он утверждал, повторяя свое мнение о книге, высказанное им в статье, напечатанной в газете «Культура и жизнь», что автор занял неправильные исходные философские позиции. Основные пороки книги: эклектичность, догматизм, примиренческое отношение к буржуазным воззрениям.

К его мнению присоединился проф. З. Белецкий, который считает, что работа эта является по сути дела изложением естествознания на основе гегелевской логики и натурфилософии.

Большинство участников обсуждения — профессоры С. Балезин, Д. Блохинцев, М. Марков, Г. Васецкий, Б. Кузнецов, Д. Иваненко, Г. Александров и др., признавая удачными некоторые разделы книги, указывали на ее весьма существенные недостатки и принципиальные ошибки.

По мнению многих выступавших, автор сумел дать критику агностико-идеалистических взглядов известных физиков Бора, Дирака, Гейзенберга и других буржуазных ученых. Заслуживает внимания и попытка автора применить развитые Энгельсом положения диалектического материализма к сложным вопросам естествознания. Удачна глава о Менделееве в разделе, посвященном истории химии. Представляет интерес попытка автора, на основе взглядов Энгельса, разработать теорию классификации наук.

Однако достоинства книги в значительной мере снижаются серьезными недостатками и ошибками. Доказывая несостоятельность и ложность «принципа неопределенности» Гейзенберга (учения о принципиальной невозможности одновременного наблюдения над импульсом и движением электрона), проф. Кедров применил недопустимую для философа-марксиста ошибочную терминологию о «границах природы» и «границах познания».

— Во многих случаях проф. Кедров подменяет творческое историческое освещение вопросов догматическим, допускает схематизм, — указал проф. Балезин. — В книге не нашли исторически правдивого и научно обоснованного отражения роль и вклад ученых нашей страны в развитие естествознания, совершенно не освещено значение научных открытий Ломоносова, Бутлерова, Столетова и других выдающихся русских ученых. Автор дал некритическую оценку научной роли Лавуазье, Дальтона, Шорлеммера.

— Современная марксистская книга по теоретическому естествознанию должна освещать проблемы естествознания с точки зрения новейших достижений науки. Освещение этих проблем в работе проф. Кедрова стоит на уровне развития науки энгельсовской эпохи. Автор не раз'ясняет, что понятие эфира, о котором писал Энгельс, отвергнуто современной физикой. Не освещены с точки зрения современной науки вопросы о теплоте, о законе сохранения энергии, о сложности и многообразии физических форм движения. Даже разбираемый автором «принцип неопределенности» — это уже в известной мере вчерашний день науки, — говорил проф. Иваненко.

— Тема книги проф. Кедрова очень важна и потому, что ныне в естествознании борьба между диалектическим материализмом и идеализмом проходит особенно остро, и потому, что диалектический материализм покоится на всемирно-исторической практике рабочего революционного движения и на гранитном фундаменте современного естествознания. Нельзя поэтому удовлетвориться тем, что работа проф. Кедрова представляет собой лишь более или менее удачный комментарий к «Диалектике природы» Энгельса, — отметил проф. Александров. — Она не раскрывает того, как шло развитие теоретического естествознания после Энгельса. Ей недостает политической остроты, воинственности, связи с современными задачами борьбы против идеализма и реакционной метафизики, против «ученых», проповедующих иррационализм и мистику. Обильный естественно-научный и философский материал не использован автором для разгрома современной идеалистической реакции. Книга в значительной мере аполитична, обращена в прошлое (к 60—80-м годам XIX столетия), недостаточно использует работы Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и Сталина «Анархизм или социализм?» Отвлеченно, вне конкретно-исторических условий ставит она вопрос о международном характере науки, научных открытий.

В своем заключительном слове проф. Кедров согласился со многими критическими замечаниями выступавших. Он признал неудачными термины «границы познания», «мировое естествознание» и т. п. Однако по ряду наиболее принципиальных вопросов он, не соглашаясь с критикой, настаивал на своей точке зрения, считая ее правильной. Так, например, отвергая обвинение в аполитизме, он утверждал, что не ставил своей задачей освещение вопросов современного естествознания, и что если бы перед ним стояла такая задача, то ему надо было писать не на тему «Энгельс и естествознание». Сама тема, мол, ограничивала его определенными рамками.

Подобные аргументы, конечно, совершенно неубедительны. Кому же после философской дискуссии и выступления тов. Жданова не ясно, что любое историко-философское произведение должно быть обращено к актуальным задачам философии и что воинствующего материалиста не могут и не должны связывать никакие «рамки» избранной темы?! Разве не являются современными, актуальными все положения ленинского труда «Материализм и эмпириокритицизм», посвященного кризису естествознания конца XIX — начала XX века? Разве не вооружает нас идейным оружием для борьбы сегодня это произведение, написанное 40 лет назад?

Некоторые авторы считают, что «актуальным» можно быть только, если пишешь на современную тему, и что с переходом к вопросам «историческим» можно повернуться спиной к современности. Это — ложная установка! «...В историю можно позволить себе углубиться лишь настолько, — говорил В. И. Ленин, — насколько это безусловно необходимо для разрешения задач, стоящих перед нами».

Подлинно большевистской воинственностью и партийностью должна быть проникнута каждая философская книга, на какую бы тему она ни была написана. Повидимому, еще не все философы осознали это. Опасность об'ективизма, аполитизма остается пока реальной опасностью. Аполитизм проявляется в различных формах и, в частности, в том, что марксизм излагается иногда столь догматически и профессорски-бесстрастно, в отрыве от злободневных задач современности, что перестает быть боевым революционным оружием переустройства мира. Эта опасность весьма серьезна в наши дни, когда борьба коммунистического мировоззрения против всех форм буржуазно-империалистической реакции в науке, политике, идеологии приобретает особенно яркий наступательный характер, когда усиливаются бешеные нападки реакционного лагеря на материалистическую науку, на марксизм и коммунизм.

Чутко прислушиваясь к голосу критики, решительно отбросив нетерпимость к критике, смогут наши философы выполнить свои научные задачи.

Обсуждение книги проф. Кедрова сблизило физиков, химиков и философов для дальнейшей плодотворной работы. Обсуждение показало, что разработкой проблем теоретического естествознания должны заниматься и философы и естественники. Среди наших физиков, химиков и биологов есть немало таких, которые делают ценные теоретические философские обобщения в своей области. Задача состоит в том, чтобы не только наши философы следили за развитием естествознания, но и естественники все больше и глубже овладевали философией и в творческом содружестве двигали вперед и философию и естествознание.

П. ВЫШИНСКИЙ

Юбилей Алишера Навои

СТАЛИНАБАД. (Наш корр.). Литературная общественность Сталинабада готовится к 500-летнему юбилею великого узбекского писателя Алишера Навои.

Создана правительственная комиссия во главе с заместителем председателя Совета Министров Таджикской ССР А. Имамовым. В состав комиссии входят писатели, ученые, литературоведы.

На таджикский язык уже переведено около 5 тысяч строк из поэмы «Фархад и Ширин». Книга издается Таджикским государственным издательством ко дню юбилея поэта. Будет издан сборник стихов, написанных Алишером Навои на таджикском языке. Над составлением сборника работает старейший таджикский писатель Садриддин Айни.

Писатели и научные работники Таджикского филиала Академии наук СССР и Института истории, языка и литературы пишут статьи о жизни и деятельности классика узбекской литературы. Кандидат филологических наук писатель Абдулгани Мирзоев работает над статьей «Навои и таджикские классики».

Статьи «Жизнь и литературная деятельность Навои», «Герои произведений Навои», «Навои — просветитель», «Фархад и Ширин» и другие пишут писатели, литературоведы и критики С. Улуг-Заде, А. Дехоти, Х. Нигматуллаев, Хусеин-Заде. Эти статьи будут печататься в журнале «Шарки Сурх», а некоторые из них уже опубликованы в республиканских и областных газетах. Накануне юбилея Навои о жизни и творчестве поэта будет прочитан цикл лекций на предприятиях, в колхозах и учебных заведениях.

Республиканская публичная библиотека готовит большую выставку произведений Навои на узбекском, таджикском и русском языках. В середине мая в Сталинабаде и областных центрах республики состоятся торжественные собрания, посвященные юбилею великого узбекского поэта.

А. Недогонов

Советская поэзия понесла большую потерю. В расцвете творческих сил безвременно скончался поэт Алексей Недогонов. Автор хорошо известной советскому читателю поэмы «Флаг над сельсоветом» и многих талантливых стихотворений, печатавшихся на страницах советской прессы, А. Недогонов каждым своим новым произведением доказывал, что его творчество приобретает все большую идейно-художественную зрелость.

Участник войны с белофиннами, офицер Советской Армии в годы Великой Отечественной войны, А. Недогонов одним из первых русских поэтов создал в послевоенный период крупное поэтическое произведение о людях советской деревни. Чуткий и отзывчивый по натуре, А. Недогонов был требовательным к себе и к своим друзьям, когда речь шла о достоинствах новых поэтических произведений. Всегда полный творческих замыслов, ищущий их наиболее яркого художественного воплощения, А. Недогонов не жалел душевной энергии, лучших качеств своего чистого поэтического темперамента для того, чтобы советская поэзия была достойна народной любви и заботы.

Память о молодом поэте-коммунисте, прекрасном товарище, настоящем советском человеке Алеше Недогонове навсегда останется в наших сердцах.

А. Фадеев, Н. Тихонов, Бор. Горбатов, Вс. Вишневский, Конст. Симонов, М. Исаковский, А. Сурков, А. Твардовский, Л. Леонов, П. Антокольский, С. Михалков, С. Щипачев, А. Жаров, А. Макаров, Н. Атаров, М. Алигер, Е. Долматовский, Н. Асеев, С. Васильев, А. Коваленков, В. Инбер, А. Софронов, С. Наровчатов, М. Матусовский, И. Сельвинский, М. Луконин, С. Гудзенко, Е. Ковальчик, Л. Шапиро, Н. Грибачев, П. Воронько, М. Светлов, П. Шубин, М. Голодный, Я. Смеляков, В. Замятин, А. Кононов, Е. Пральников, А. Межиров, В. Тушнова, А. Тарасенков, Д. Данин, П. Слетов, И. Френкель, Н. Мирный, А. Липатов, С. Мурашев, А. Блатин, М. Котов.

А. СТАРЦЕВ

СОЕДИНЕННЫЕ ЛИНЧУЮЩИЕ ШТАТЫ

«Соединенными Линчующими Штатами» назвал США Марк Твэн. Он написал статью под этим заглавием в связи с тем, что телеграф принес весть о линчевании негра в его родном штате Миссури.

Теме расизма, парящего в американском буржуазном обществе в наши дни, посвящен роман «Королевская кровь» крупного американского романиста Синклера Льюиса, вышедший в Америке в 1947 году. Роман заслуживает пристального внимания читателя. Чудовищная дискриминация и преследование негров, изображенные в книге Льюиса, происходят не среди хлопковых полей Юга, а в типическом городе так называемого «среднего Запада», обычно рекламируемого американскими историками и социологами, как оплот американской демократической традиции. Синклер Льюис находит для этого города приличествующее название — Грэнд Рипаблик, что означает Великая Республика.

Американец Нил Кингсблад, уволенный из армии после тяжелого ранения, возвращается в родной город. По своему социальному положению Кингсблад принадлежит к группе населения, называемой в США средним классом, то есть к обеспеченному слою мелкой буржуазии. Он служит в банке, пользуется расположением начальства и рассчитывает на успешную карьеру. У него собственный дом в аристократическом районе, где живут люди привилегированного социального круга, коммерсанты, адвокаты, врачи. Атлетически сложенный, розовощекий и рыжеволосый, он вызывает восхищение друзей и знакомых. Он счастлив в семейной жизни и обожает маленькую дочку. Он не задумывается над социальными проблемами.

Поврежденная нога мешает Кингсбладу отдавать, как прежде, свободные часы спорту, и в поисках развлечения он решает погрузиться в генеалогию, чтобы распутать семейную легенду, по которой в жилах Кингсбладов якобы течет королевская кровь. Первые же архивные поиски приводят к непредвиденному результату. Выясняется, что с материнской стороны семья Нила ведет родословную от негра.

Одна капля негритянской крови делает человека негром — гласит доктрина американского расизма. А, следовательно, завтра мать Кингсблада, он сам, его ребенок будут об'явлены неграми или, что то же, — социальными париями, об'ектами дискриминации и преследования.

Кингсблад хранит свою тайну про себя. Она мучит его, но одновременно производит во внутреннем мире социальных и моральных представлений этого американского обывателя знаменательный переворот. Вначале это страх, что кто-нибудь узнает о его негритянском происхождении и унизит, оскорбит его, выгонит из автобуса или из ресторана. Потом он приглядывается к окружающим его людям и начинает видеть их по-новому. Его ближайшие родные, которых он привык любить и уважать, полны грубейших социальных и национальных предрассудков. Их анекдоты и шутки о неграх, как и о других людях не англо-саксонской расы, пошлы и непристойны. Что касается его друзей и собутыльников, почтенных граждан города, всех этих коммерсантов, адвокатов и пасторов, которых он привык считать «знаменосцами демократии», то это — банда реакционеров и погромщиков, тупых, самодовольных мещан, готовых на все ради защиты своего привилегированного положения. Его школьный товарищ Род Олдвик, вернувшийся с войны в ореоле славы и готовящийся к политической карьере, — готовый фашист, которому только нехватает свастики на рукаве.

Под впечатлением этих открытий Кингсблад решает пополнить свое представление о неграх. Он проникает в среду негритянской интеллигенции и находит людей, которые своим культурным обликом, демократичностью и моральной отзывчивостью настолько отличаются от Рода Олдвика и других цивилизованных дикарей из буржуазно-мещанского круга, в котором он вырос, что Кингсбладу кажется, что впервые в жизни он попал в человеческое общество.

«Кризис» наступает на заседании федерального клуба, на котором Род Олдвик торжественно оповещает своих собратьев по «расе господ» о существовании «негритянского заговора» против «американского образа жизни». Кингсблад берет слово. Опровергнув наветы Олдвика, он информирует собравшихся о своем негритянском происхождении. «Да, я негр, джентльмены...»

Члены клуба, выслушав Нила Кингсблада, обнаруживают глубочайшее волнение: как, они сидели за одним столом с негром!.. Ну, знаете, это уж слишком! Его исключают из клуба. Знакомые отшатываются от него, как если бы выяснилось, что он повинен в каком-нибудь страшном и позорном преступлении. Правление банка увольняет его. Начинается новая жизнь Нила Кингсблада. Он — безработный негр.

В следующих главах, где повествуется о том, как Кингсблад безуспешно ищет работу и подвергается издевательствам со стороны своих сограждан, Синклер Льюис дает читателю чрезвычайно интересные сведения о практике расовых преследований в северных штатах США, раскрывая некоторые секреты американской социальной кухни. Действительно, в северных штатах негров не волокут по улицам города с веревкой на шее. Это пока не принято. Однако имеется тщательно разработанная техника «холодного линчевания», которая при «умелом использовании» дает на Севере не менее кровавые результаты, чем на Юге.

Пресловутое право заходить в общие рестораны, селиться в общих отелях и учиться в общих школах — не более, чем фикция и лицемерная реклама для заграницы.

Развязка романа развертывается в обстановке происходящего в Грэнд Рипаблик «холодного» негритянского погрома. По мановению невидимой палочки, на улицу выбрасываются тысячи негров: квалифицированные специалисты, рабочие, официанты ресторанов.

Преследования, которым подвергается Кингсблад, становятся все более невыносимыми. У него есть выход: бежать в другой город, где его никто не знает, и снова стать «белым». Но в этом мягком, незлобивом человеке вырабатываются новые качества, которых он в себе не подозревал. Заполняя очередной опросный лист в конторе по найму, он с непоколебимым упорством пишет в графе «раса»: негр. Он желает принять бой здесь, в своем городе.

Последняя линия борьбы — это его дом. Кингсблад еще тешит себя уверенностью, что его дом — это его крепость. Но в качестве первого предупреждения соседи убивают его собаку. Соседские дети травят маленькую дочку Кингсблада. Когда он и после этого отказывается уехать, респектабельные «линчеватели северного типа», как их называет Льюис, решают применить южную методику и вышвырнуть упрямого негра силой. Заручившись согласием полиции, они производят налет. Кучка смелых людей, негров и белых, собирается в доме Кингсблада, чтобы оказать ему поддержку. Происходит вооруженная схватка, в результате которой полиция арестовывает Кингсблада и его жену Вэстел. «Ну, пошли! Вперед!» — командует полисмен, толкая арестованных к полицейской машине. «Мы идем вперед», — говорит Вэстел.

Этими словами оканчивается роман Льюиса, принадлежащий, бесспорно, к его лучшим произведениям последних лет. Отношение автора к изображенным им явлениям американской жизни не вызывает сомнений. Он считает их позорными и преступными. Он также отдает себе отчет в той опасности, которую эти явления таят для американского народа в целом.

Что же хочет рекомендовать маститый американский писатель своему народу, чтобы рассеять кровавый туман расизма? Читатель не получает на этот вопрос сколько-нибудь удовлетворительного ответа. Роман обращен в первую очередь к «среднему классу». Представьте себе на мгновение, говорит Льюис своему читателю, что вас, процветающего белого джентльмена, развлекающего гостей за коктейлем пошлыми расистскими остротами, или вашу белую, как сахар, жену, или вашего брата, или вашего друга постигла судьба Нила Кингсблада и что это именно вам снится, будто вас линчуют, и что вы проснулись ночью в холодном поту.

Синклер Льюис верит или делает вид, что верит в возможность воздействовать на совесть американских имущих классов при помощи воспитывающей сатиры. Эта позиция тесно связана с настойчивым стремлением искать лекарство от бедствий капитализма, не выходя за пределы капиталистических отношений. Писатель вербует положительных героев только из «среднего класса» и боится, как огня, передового рабочего и фермера, а тем более — коммуниста.

Дело здесь не только в конечных выводах, которые мог сделать и не сделал писатель. Попытка трактовать вопросы расового и национального гнета в современном капиталистическом государстве вне общей проблематики борьбы с капитализмом приводит к узкому и приниженному изображению жизни. Писатель плотно законопатил все щели, чтобы в роман не проникла весть о рабочем движении, не проник «русский вопрос», не проник вольный ветер классовой борьбы.

Читателю становится душно в атмосфере обостренных расовых и национальных конфликтов, в которых угнетенные реагируют на великодержавный шовинизм угнетателей лишь взрывами ответного «защитного» шовинизма, на «ненависть к черным» — «ненавистью к белым». Писатель, столь внимательно изучающий американскую жизнь, как Синклер Льюис, не имеет права не знать, что среди американцев, как негров, так и белых, не принадлежащих к привилегированным классам, есть немало людей, которые понимают связь царящего в США расового и национального гнета с господством монополистического капитала.

И, тем не менее, «Королевская кровь» — прогрессивное явление в современной американской литературе. Логика фактов, изображенных Льюисом, делает заключительные слова жены Кингсблада — «Мы идем вперед» — не пустой фразой. Эти люди вовлечены в борьбу, истинные масштабы которой они еще не представляют. Нил Кингсблад вернулся с войны, думая, что США воевали с целью уничтожить фашизм и помочь установлению демократии во всем мире. Когда он ходит по городу в поисках заработка, натруживая искалеченную ногу, у него рождается горькая мысль, что он пролил кровь, «защищая право белых американцев отказывать черным американцам в работе». Это только начало тех размышлений, которые предстоят американскому народу, если он хочет жить не в Соединенных Линчующих Штатах, а в условиях подлинной народной демократии.

„Kingsblood Royal" by Sinclair Lewis. Randome House. New-York, 1947.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни и отдел писем — К 4-60-02, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 1-18-94, издательство — К 4-28-63

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5

Б—01169.